III Отдѣленіе Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества.

30
DK
218
.15

Памяти

Николая Гавриловича ЧЕРНЫШЕВСКАГО.

ДОКЛАДЫ И РѢЧИ

Н. Ф. Анненскаго, М. А. Антоновича, А. А. Корнилова, А. С. Посникова и М. И. Туганъ-Барановскаго.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-литографія М. П. Фроловой. Галерная, 6.
1910.

6и

III Отдѣленіе Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества.

Памяти

Николая Гавриловича

ЧЕРНЫШЕВСКАГО.

ДОКЛАДЫ И РѢЧИ

Н. Ф. Анненскаго, М. А. Антоновича, А. А. Корнилова, А. С. Посникова и М. И. Туганъ-Барановскаго.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-литографія М. П. Фроловой. Галерная, 6.
1910.

6и

Пр.

DK
218
.15

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР

589
64

Оглавленіе.

стр.

I. Засѣданіе III Отдѣленія И. В. Э. Общества 17-го октября 1909 года (стенографическій отчетъ) . . . . . 1—30

М. И. Туганъ-Барановскій. Общественно-экономическія воззрѣнія Н. Г. Чернышевскаго 1

М. А. Антоновичъ. Изъ воспоминаній о Н. Г. Чернышевскомъ 14

Н. Ф. Анненскій, изъ воспоминаній о Н. Г. Чернышевскомъ и 60-ыхъ годахъ 23

Рѣчь *А. С. Посникова* 28

II. Докладъ *А. А. Корнилова.* Чернышевскій и крестьянская реформа. 31—53

Засѣданіе III Отдѣленія И. Вольнаго Экономическаго Общества, 17-го октября 1909 г.,

посвященное памяти Николая Гавриловича Чернышевскаго.

Стенографическій отчетъ.

Предсѣдатель С. Н. Прокоповичъ. Господа! Позвольте открыть засѣданіе. Мы собрались сегодня чествовать память Николая Гавриловича Чернышевскаго, имя котораго одинаково дорого представителямъ обоихъ направленій нашей передовой общественной мысли. Сегодня исполнилась двадцатая годовщина со дня смерти Н. Г. Чернышевскаго. Послѣ двадцати-лѣтней тюрьмы и каторги онъ умеръ 17-го октября 1889 г.

Предлагаю собранію почтить его память вставаніемъ. *Собраніе встаетъ.*

Сочиненія Чернышевскаго долгое время были подъ запретомъ. Запрещалось даже упоминать его имя въ печати. Съ конца 80-хъ гг. „Современникъ" сталъ библіографической рѣдкостью и, благодаря этому, представители 80-хъ и 90-хъ гг. не могли ознакомиться съ идеями Чернышевскаго по его сочиненіямъ. Въ настоящее время этотъ пробѣлъ восполненъ прекраснымъ изданіемъ сочиненій Чернышевскаго, предпринятымъ его сыномъ, Мих. Ник. Чернышевскимъ. Я думаю, что я выражу мнѣніе всѣхъ собравшихся, если выскажу нашу общую признательность присутствующему здѣсь Мих. Николаевичу за труды, понесенные имъ по изданію сочиненій его великаго отца (*апплодисменты*).

Кромѣ того, я предложилъ бы собранію послать привѣтствіе его женѣ Ольгѣ Сократовнѣ, понынѣ здравствующей (*апплодисменты*).

Слово принадлежитъ Мих. Ив. Туганъ-Барановскому.

Общественно-экономическія воззрѣнія Н. Г. Чернышевскаго.

М. И. Туганъ-Барановскій. Господа! Мое сообщеніе вовсе не имѣетъ въ виду дать исчерпывающую характеристику Н. Г. Чернышевскаго со всѣхъ сторонъ, какъ ученаго, какъ мыслителя, какъ выдающагося экономиста и общественнаго дѣятеля. Я поставилъ себѣ болѣе ограниченную задачу, именно — выяснить роль Чернышевскаго въ нашемъ общественномъ развитіи. И я полагаю, что именно съ этой точки

зрѣнія Н. Г. для насъ особенно дорогъ и цѣненъ. Вамъ всѣмъ извѣстно, что Н. Г., какъ ученый и какъ экономистъ, встрѣтилъ крайне высокую оцѣнку со стороны Маркса, котóрый назвалъ его великимъ русскимъ ученымъ. Среди русскихъ Ч. несомнѣнно выдѣлялся, какъ экономистъ. Тѣмъ не менѣе, я полагаю, было бы не совсѣмъ вѣрно видѣть главную заслугу Н. Г. въ его дѣятельности, какъ ученаго. Дѣло въ томъ, что русская экономическая наука и до сихъ поръ еще не представляетъ существеннаго значенія для Запада. Русскіе ученые разрабатывали спеціально русскіе вопросы, но міровая наука мало заимствовала идей у русской, и западно-европеецъ, не зная взглядовъ Ч., не можетъ считать, что потерялъ очень много. Русская наука развивалась подъ вліяніемъ западно-европейскихъ идей, такъ было до Ч., такъ было и потомъ. Когда мы говоримъ объ исторіи науки въ цѣломъ, то для Ч. тамъ не можетъ быть особенно выдающагося мѣста. Но Ч., какъ духовный вождь русской интеллигенціи, имѣлъ громадное вліяніе на русскую общественную мысль. Тутъ во весь ростъ поднимается его громадная фигура, здѣсь онъ огромная величина, здѣсь онъ наиболѣе интересенъ. Моя задача выяснить роль Ч., какъ духовнаго вождя русской интеллигенціи.

Наша общественная мысль всегда интересовалась практическими вопросами, но съ самой общей точки зрѣнія. Чистая теорія интересовала насъ гораздо меньше; но какъ только мы приступали къ конкретнымъ вопросамъ, мы разсматривали ихъ съ точки зрѣнія общаго значенія ихъ въ нашемъ міровоззрѣніи. Въ дѣлѣ выработки общественнаго міровоззрѣнія русская общественная мысль проявила наиболѣе творчества. И вотъ Чернышевскій наиболѣе важенъ, какъ одинъ изъ тѣхъ, кто особенно сильно повліялъ на наши общественные взгляды. Чернышевскій былъ соціалистъ. Но какимъ соціалистомъ былъ онъ? Какіе у него были соціальные идеалы? Соціалистическія системы бываютъ разныя. Въ настоящее время стало общимъ мѣстомъ, что Ч. былъ фурьеристомъ. И несомнѣнно вѣрно, что Фурье оказалъ наиболѣе глубокое и сильное вліяніе на Ч. Если мы возьмемъ романъ „Что дѣлать“, то тамъ встрѣтимъ цѣлыя страницы, несомнѣнно внушенныя Фурье. Возьмите хотя бы сны Вѣры Павловны... Но не только эти внѣшнія черты сближаютъ Ч. съ Фурье, было и болѣе глубокое идейное вліяніе Фурье на Ч. Отъ него онъ заимствовалъ мысль о томъ, напр., что хозяйственный трудъ можетъ быть радостнымъ самъ по себѣ; затѣмъ идею о томъ, что необходима полная свобода въ выборѣ занятій, идею свободной любви, полной свободы отдаваться своимъ влеченіямъ. Кромѣ того вся внѣшняя обстановка: фаланстеры и т. д., была заимствована Ч. у Фурье, такъ что отрицать это вліяніе было бы неправильно. Но важно оттѣнить, что вліяніе Фурье не было единственнымъ, что въ нѣкоторыхъ существенныхъ пунктахъ Ч. не можетъ считаться фурьеристомъ. Были стороны, которыя сближали Ч. съ Фурье, но въ душѣ онъ не былъ фурьеристомъ, Ч. духовно не былъ родственъ Фурье. Фурье былъ аморалистъ. И аморализмъ его не былъ простой фразой, онъ вытекалъ изъ всего его міроощущенія. Фурье не вѣрилъ въ нравственный долгъ. Самъ онъ былъ человѣкъ очень чувственный, вовсе не моральный, человѣкъ съ огромной фантазіей, который по своей природѣ былъ чуждъ ригоризма, чуждъ

стремленія усмирять свои влеченія. Словомъ, это была меньше всего ригорическая натура, онъ не былъ подвижникомъ.

Чернышевскій же по своей натурѣ—подвижникъ, онъ былъ способенъ къ огромному самопожертвованію, такъ что было бы странно, если бы Чернышевскій заимствовалъ свои темы и подчинился Фурье—человѣку аморальному. И дѣйствительно, я полагаю, что то, что сближаетъ Ч. съ Фурье, имѣетъ болѣе внѣшній характеръ: ихъ сближаетъ то, что оба примыкаютъ къ соціалистической школѣ, но по своему внутреннему содержанію Чернышевскій принадлежитъ къ соціалистамъ другой складки. То новое, оригинальное, что сказалъ Фурье, то, что интересовало его наиболѣе,—это не проблема распредѣленія продуктовъ общественнаго труда,—это проблема производства общественнаго богатства. Задача Фурье въ томъ, чтобы устранить порядокъ, при которомъ продуктовъ общественнаго труда не хватаетъ на всѣхъ; его интересовали тѣ условія, при которыхъ общественное богатство можетъ возрасти, интересовали цифры этого возрастанія, хотя онъ и не указываетъ съ совершенной точностью, во сколько именно разъ богатство должно возрасти по его ожиданію, въ 3, 4, 10, 20 и т. д. разъ. Проблема созданія богатства при помощи такой организаціи, которая сдѣлала бы невозможными лѣность, принужденіе и т. д.—такова была та задача, которую, какъ полагалъ Фурье, онъ разрѣшилъ въ своей фалангѣ, въ той соціальной организаціи, которую онъ самъ придумалъ.

Что касается Ч., то онъ, наоборотъ, много разъ подчеркивалъ, что для него важна не проблема увеличенія общественнаго богатства, а проблема болѣе равномѣрнаго общественнаго распредѣленія. Такая постановка въ корнѣ отличается отъ концепціи Фурье. Вы видите, что основныя точки зрѣнія у нихъ совершенно различныя. Фурье не только не былъ сторонникомъ равенства въ распредѣленіи, онъ отрицалъ желательность равенства. Онъ полагалъ, что только различіе общественныхъ условій вызываетъ полезную для общества активность. Согласно плану Фурье при распредѣленіи общественнаго богатства $^{5}/_{12}$ продуктовъ должны поступать въ распоряженіе труда, $^{4}/_{12}$ — идти таланту и $^{3}/_{12}$—капиталу. Чернышевскому рисовался совершенно другой идеалъ, не смотря на его піететъ къ системѣ Фурье. О системѣ распредѣленія, предлагаемой Фурье, Ч. не говоритъ, но разсматривая систему Сенъ-Симона, онъ излагаетъ свои взгляды и указываетъ, что высказанный Фурье принципъ „каждому по его способностямъ, каждому по его дѣламъ“ — несправедливъ, потому что, говоритъ Ч., человѣкъ приноситъ съ собой не только мускулы и мозгъ, но и желудокъ. Наиболѣе справедливо распредѣлять продуктъ не по способностямъ, а на основаніи принципа, что каждый человѣкъ равенъ всякому другому. Съ точки зрѣнія С. Симона нужно было бы желать, чтобы Ньютонъ получилъ милліоны долей общественнаго продукта, но Ч. находитъ такое вознагражденіе талантовъ излишнимъ: талантъ вознаграждаетъ самъ себя; съ другой стороны, больные, бѣдные, увѣчные по системѣ Фурье ничего не получили бы. Правда, на послѣднее возраженіе у Фурье есть отвѣтъ — его геніальная идея общественно-національнаго *tiptitut'a*, идея, которую воспринялъ и пропагандируетъ Сидней Веббъ: согласно этой идеѣ общество должно разверстывать только остатокъ, только избытокъ сверхъ общественнаго минимума можетъ

подлежать разверсткѣ. Ч. говоритъ что нужно исходить въ вопросѣ о распредѣленіи не изъ принципа „каждому по способностямъ“, а изъ иныхъ принциповъ, болѣе соотвѣтствующихъ общественнымъ интересамъ, причемъ однако Ч. готовъ согласиться, что избыткомъ общество можетъ распоряжаться по своему усмотрѣнію, и вправѣ изъ этого избытка вознаграждать способности. Во многихъ мѣстахъ своихъ работъ Ч. говоритъ, что его идеалъ равномѣрное распредѣленіе богатства. Преимущественную оплату таланта онъ отвергаетъ, считая такой порядокъ несправедливымъ, ибо талантъ въ самомъ себѣ получаетъ высшую награду, для человѣка талантъ есть благо само по себѣ. Въ романѣ „Что дѣлать“, когда описывается мастерская Вѣры Павловны, мы узнаемъ, что прибыль равномѣрно дѣлилась между всѣми членами мастерской. Въ мастерской господствовало равенство, какъ наиболѣе справедливый принципъ распредѣленія. А это такое существенное расхожденіе съ Фурье, что его нельзя не выдвинуть на первый планъ. Поскольку идетъ вопросъ о проблемѣ распредѣленія, Чер—скій долженъ считаться не ученикомъ Фурье, а ученикомъ Оуэна и Луи Блана, словомъ великихъ мыслителей коммунистовъ, которые исходили изъ совершенно другого пониманія соціальной справедливости.

Такимъ образомъ, если и можно согласиться, что Ч. является ученикомъ Фурье, то лишь съ очень большими ограниченіями. Моральный его обликъ совершенно другой: это человѣкъ героическій. Такія картины, которыя увлекали Фурье, эти наивныя фантазіи о пирожкахъ съ мясомъ или капустой въ царствѣ будущаго, — Фурье самъ былъ лакомка и чувственникъ — не увлекали Ч., на все это Ч. не могъ откликаться: Ч.—подвижникъ, а не сластолюбецъ. Въ этомъ отношеніи онъ примыкаетъ къ Оуэну, моральный идеалъ котораго, въ противоположность Фурье, очень высокъ. Фурье стремился приспособить общественный строй къ страстямъ человѣка. Оуэнъ, наоборотъ, хотѣлъ измѣнить моральную природу человѣка, сдѣлать человѣка моральнымъ, совершеннымъ и ради этого измѣнить общественный строй. Это были антиподы. Отсюда понятна ихъ враждебность другъ къ другу. Фурье называлъ Оуэна шарлатаномъ. Черныш. ближе къ Оуэну. Это былъ человѣкъ высокаго моральнаго долга, высокаго моральнаго идеала.

Далѣе, обыкновенно, когда говорятъ о Ч., то голословно утверждаютъ, что онъ былъ соціалистъ—утопистъ, это стало общимъ мѣстомъ и не вызываетъ возраженій. Но здѣсь, по моему, такое же глубокое заблужденіе, какъ и въ вопросѣ о близости Ч. къ школѣ Фурье, и даже еще большее. Во-первыхъ: что такое утопическій соціализмъ? Этотъ терминъ въ большомъ ходу. Я лично расхожусь съ тѣмъ обычнымъ пониманіемъ, которое вкладывается въ этотъ терминъ. Обыкновенно, когда говорятъ объ утопическомъ соціализмѣ, то указываютъ на то, что утопизму свойственно рисовать радужными красками будущій общественный строй и т. д. Научный же соціализмъ будтобы не входитъ въ эту область и относится съ извѣстнымъ пренебреженіемъ или равнодушіемъ къ картинамъ будущаго строя. Что касается до Ч., то для него эти картины будущаго играли огромную роль; онъ рисовалъ ихъ привлекательными красками и въ частности этими картинами вліялъ на русское общество. Кто не помнитъ этихъ картинъ въ романѣ „Что дѣлать“, того глубокаго воодушевленія, ко-

торое охватывало насъ при чтеніи этого романа? Но, господа, еслибы это былъ признакъ достаточный, то въ концѣ концовъ врядъ-ли найдется хотя бы одинъ соціалистъ, котораго нельзя было бы заподозрить въ такомъ же утопизмѣ. Правда Энгельсъ и Марксъ не пускались въ эту область, не рисовали этихъ картинъ; но въ этомъ и не было нужды, разъ они принимали совершенно опредѣленное пониманіе будущаго строя. Поскольку же Марксъ и Энгельсъ высказывались о строѣ будущаго, они были не меньшими утопистами, чѣмъ Чернышевскій. Новаго въ этомъ вопросѣ они не дали. Что касается ихъ послѣдователей, которые должны были не только вырабатывать теорію, но были и практическими, общественными дѣятелями, то они не могли не останавливаться на этой сторонѣ соціалистическаго ученія, и они останавливались на ней. Возьмемъ хотя бы Бебеля, который является самымъ даровитымъ вождемъ соціалдемократіи, книга котораго имѣла огромный успѣхъ. Въ своей „Frau und Socialismus“ онъ вопросамъ о строѣ будущаго удѣляетъ много мѣста. Возьмемъ того, кого называютъ великимъ инквизиторомъ марксизма, — Каутскаго: онъ издалъ книгу Атлантикуса, снабдилъ ее предисловіемъ,—того же вопроса онъ касается въ своей брошюрѣ: „На другой день...“; въ своихъ статьяхъ по поводу моей книги онъ особенно выражаетъ сочувствіе тѣмъ частямъ ея, гдѣ я касаюсь будущаго соціалистическаго строя. Ему кажется важнымъ обсужденіе этой темы, которая прежде казалась не важной, не стоющей. Немыслимо, чтобы соціалистъ не рисовалъ себѣ картины будущаго. Представленіе объ естественномъ законѣ развитія не можетъ измѣнить моего отношенія къ картинамъ будущаго. Изъ того, что данный общественный строй необходимъ, вовсе не слѣдуетъ, что я долженъ его желать; изъ того, что капитализмъ перейдетъ въ соціализмъ, не слѣдуетъ, что я долженъ желать наступленія соціализма. Если мы станемъ на ту точку зрѣнія, что развитіе капитализма неизбѣжно приведетъ къ соціализму, то это вовсе еще не упразднитъ вопроса о томъ, въ какой мѣрѣ новый строй желателенъ для меня или нѣтъ. Всякій соціалистъ задумывается надъ этимъ вопросомъ, всякій его рѣшаетъ. Но было одно время условнымъ приличіемъ замалчивать этотъ вопросъ, не выносить этихъ размышленій въ печать. Теперь же даже Каутскій считаетъ важнымъ дѣломъ разработку вопросовъ о будущемъ строѣ.

Итакъ, вовсе не этимъ характеризуется утопическій соціализмъ. Нѣкоторые изъ тѣхъ, кого называютъ утопическими соціалистами, — возьмемъ хотя бы Сенъ-Симона, который создалъ очень вліятельную соціалистическую школу, — не рисовали картинъ будущаго, а между тѣмъ Сенъ-Симонъ какъ разъ считается наиболѣе утопическимъ изъ всѣхъ соціалистовъ-утопистовъ. Возьмемъ доктринальное опредѣленіе утопическаго соціализма въ книгѣ Энгельса, направленной противъ Дюринга. Въ этой книгѣ мы найдемъ такое опредѣленіе: утопическій соціализмъ—это такой соціализмъ, въ которомъ идеалъ оторванъ отъ дѣйствительности; научный же соціализмъ характеризуется тѣмъ, что идеалъ выставляется какъ результатъ историческаго развитія; вмѣстѣ съ тѣмъ научный соціализмъ не стремится рисовать будущее въ деталяхъ. Но и признакъ, указываемый Энгельсомъ, не можетъ быть признанъ характернымъ для утопическаго соціализма. Не было соціалиста-

утописта, который бы не стремился поставить на историческую почву свои идеалы. Возьмемъ сенъ-симонистовъ. Неужели они не умѣли связать свои идеалы съ законами историческаго развитія? Это методологическое требованіе вполнѣ ими понималось и, дѣйствительно, они дали колоссальный матеріалъ по этому вопросу. Это требованіе они признавали вполнѣ и старались его осуществить. Фурье—авторъ ученія о гарантизмѣ, ученія, гдѣ онъ оказался пророкомъ, гдѣ онъ доказывалъ, что строй, въ которомъ мы живемъ, то, что называется цивилизаціей, мало по малу обращается въ новый строй, въ которомъ частная собственность ограничивается государствомъ въ интересахъ трудящихся и, главнымъ образомъ, рабочихъ классовъ. Цѣнно тутъ то, что Фурье говоритъ о регулированіи хозяйственной жизни общественной волей ради тѣхъ или иныхъ общественныхъ интересовъ, и прежде всего ради интересовъ рабочихъ. Кто хорошо знаетъ ученіе, данное Фурье, кто знаетъ работы его школы и въ особенности, Консидерана, тотъ помнитъ, что Консидеранъ уже знаетъ законы развитія капитализма, законъ концентраціи капиталовъ, законъ прогрессирующей пролетаризаціи; эти идеи, очевидно были общимъ мнѣніемъ школы Фурье. Словомъ, я прямо настаиваю на томъ, что нѣтъ ни одной мысли въ „Капиталѣ“ Маркса относительно развитія капитализма, которая бы въ менѣе обработанной формѣ не встрѣчалась и въ работахъ Фурье.

Итакъ, и этотъ признакъ не можетъ быть признанъ характернымъ для утопическаго соціализма. Я долженъ признать, что есть основаніе объединять всѣхъ названныхъ соціалистовъ въ одну школу утопическаго соціализма, несмотря на всѣ ихъ различія, но объединеніе это основывается на совершенно иныхъ признакахъ. Дѣло въ томъ, что для всѣхъ утопистовъ характерны вовсе не историческія ихъ построенія и не общій ихъ соціальный идеалъ, а характерна ихъ своеобразная тактика. Въ знаменитомъ „Манифестѣ соціетарной школы“, вышедшемъ за 5 лѣтъ до „Манифеста коммунист. партіи“, этотъ методъ характеризуется въ слѣдующихъ выраженіяхъ: мы создаемъ новый общественный строй, мы соціальные инженеры, мы стоимъ за соціальные эксперименты. Этотъ методъ соціальныхъ экспериментовъ по необходимости долженъ примѣняться въ небольшомъ масштабѣ, соціальный экспериментъ невозможенъ въ предѣлахъ всего государства. Соціальной революціи авторы манифеста не признаютъ, будущій строй по ихъ убѣжденію, можетъ вырасти въ нѣдрахъ современнаго строя. И вотъ они указываютъ способъ для созданія этого будущаго строя. Фурье ожидалъ, что явится капиталистъ, который устроитъ фаланги, фаланстеры. Оуэнъ тоже ждалъ людей, которые согласятся пожертвовать свое имущество. Но, во всякомъ случаѣ, имъ обоимъ всегда рисуется, что соціалистическій строй возникнетъ по совершенно свободной иниціативѣ отдѣльныхъ лицъ, какъ свободная ассоціація. Они очень скоро выяснили для самихъ себя огромное превосходство новаго строя передъ старымъ и думали, что люди были бы глупы, если бы не послѣдовали за ними. И разъ дѣло обстоитъ такъ, разъ люди сами могутъ своей собственной силой улучшить свою жизнь, то ясно, что революція безумна, всякое принужденіе безумно, участіе въ политической жизни безцѣльно. Если всѣ познаютъ истину, то остальное приложится.

Вотъ вамъ типическій методъ, до такой степени лежащій въ духѣ того времени, что Кабе, централистическій коммунистъ, который не признавалъ малыхъ опытовъ, который могъ высказывать однажды, что опытъ въ маленькомъ размѣрѣ безполезенъ, все-таки самъ такую попытку сдѣлалъ: нѣсколько сотъ послѣдователей Кабэ устроили въ Техасѣ образцовую общину. Очевидно, что въ то время жизнь сама наталкивала на такія попытки и даже люди, которые принципіально должны были отрицать подобные соціальные эксперименты, должны были подпасть вліянію утопической идеи. Изъ вѣры въ соціальный экспериментъ вытекаетъ отрицаніе политической борьбы, отрицаніе всякаго насилія, враждебность къ соціальной революціи. Оуэнъ враждебно относится къ революціи, Сенъ-Симонъ—тоже, всѣ они въ этомъ сходятся. Вспомните слова Кабэ: если бы я въ зажатой рукѣ держалъ революцію, то и тогда бы отказался ее выпустить. Кабэ тоже вѣрилъ въ мирную пропаганду. Именно въ этомъ отличительная черта утопическаго соціализма. Съ этой точки зрѣнія и нужно оцѣнить Ч., какъ соціалиста. Дѣйствительно, Чернышевскій стоялъ на той же точкѣ зрѣнія по этому вопросу, какъ Сенъ-Симонъ, Оуэнъ, Кабэ, и поэтому его можно квалифицировать, какъ утопическаго соціалиста. Нельзя отрицать, что у Ч. была склонность къ соціальнымъ экспериментамъ. Вспомните хотя бы мастерскія Вѣры Павловны, новыхъ людей, описаніемъ которыхъ занимается Ч., тѣхъ новыхъ людей, которыхъ роль сводится къ устройству швейныхъ мастерскихъ. Возьмемъ его практическія предложенія, его единственный формулированный проектъ соціальной реформы, гдѣ онъ указываетъ на необходимость денежной субсидіи со стороны государства ассоціаціямъ, въ которыхъ будетъ соединяться земледѣльческій трудъ и фабричный. Ч. считалъ, что практическимъ дѣломъ нашего времени могло бы быть именно устройство производительныхъ ассоціацій. При этомъ онъ оговаривается, что нѣтъ абсолютной необходимости, чтобы государство непремѣнно поддерживало ассоціаціи, государственная помощь имѣетъ значеніе развѣ только для ускоренія. Ч. въ данномъ случаѣ становится на точку зрѣнія Оуэна, который тоже предлагалъ устройство ассоціацій съ государственной помощью.

Между прочимъ у насъ совершенно неправильно истолковываютъ точку зрѣнія Ч. въ этомъ вопросѣ. Плехановъ и Стекловъ говорятъ, что Ч. повторяетъ планъ Луи-Блана. Но тутъ ничего общаго нѣтъ: Лассаль и Луи-Бланъ проектировали профессіональныя организаціи труда, между тѣмъ какъ Чернышевскій проектировалъ вовсе не организацію трудящихся, объединенныхъ по спеціальностямъ, а коммуны типа Оуэна или Фурье. Ч. вовсе не имѣлъ въ виду плана Луи-Блана, а цѣликомъ воспроизводитъ планъ Оуэна, который былъ выдвинутъ послѣднимъ въ 1848 г., выдвигался имъ и позднѣе, отчасти же Ч. примыкаетъ и къ проектамъ Фурье.

И вотъ я не отрицаю того, что извѣстныя черты сходства, извѣстная близость между Ч. и утопическимъ соціализмомъ была, но я полагаю, что увлеченіе Ч-скаго идеей ассоціаціи въ сущности имѣетъ неглубокій характеръ, нехарактерно для Ч. Дѣло въ томъ, что на ряду со сходствомъ, мы имѣемъ передъ собой весьма характерное различіе: утопическіе соціалисты относились враждебно къ политикѣ; что же

касается Ч.,—тутъ мы касаемся очень важнаго пункта,—то въ вопросѣ о политикѣ Ч. какъ разъ держался діаметрально противоположной позиціи. А потому и черты соприкосновенія его съ утопическими соціалистами нельзя считать существенными, характерными для его духовной физіономіи.

Указываютъ, что Ч. сказалъ, что съ точки зрѣнія соціализма Сибирь выше свободной Англіи. Но эта фраза не характерна для Ч. Наоборотъ, Ч. чѣмъ дальше, тѣмъ больше проникался убѣжденіемъ, что политическое преобразованіе должно стоять на первомъ планѣ, что внѣ политической борьбы невозможно и осуществленіе соціалистическаго строя. И это вѣрно не только относительно послѣднихъ лѣтъ дѣятельности Ч., когда какъ предполагали, онъ былъ членомъ нѣкоторыхъ тайныхъ организацій и сотрудникомъ „Великорусса", гдѣ проводились конституціонныя стремленія. Вспомните его знаменитыя „Письма безъ адреса", гдѣ онъ такъ горячо высказывается, гдѣ онъ даже находитъ возможнымъ поддерживать дворянство въ его конституціонныхъ стремленіяхъ. Уже въ самыхъ раннихъ статьяхъ, въ 50-ые и 60-ые гг., Ч. былъ глубоко проникнутъ стремленіемъ къ политическому освобожденію, сознаніемъ необходимости политической свободы. Я позволю себѣ прочесть цитату, въ высшей степени характерную. Я имѣю въ виду замѣчательную статью Ч. „Суевѣріе и правила логики". Здѣсь ставится вопросъ: въ чемъ основной корень нашихъ общественныхъ неустройствъ? И Чернышевскій отвѣчаетъ: не въ общинномъ землевладѣніи, но и не въ подворномъ,—это такіе ничтожные вопросы въ сравненіи съ вопросомъ о нашей бѣдности,—есть болѣе коренныя причины. Въ чемъ же ключъ нашего русскаго неустройства?

„Итакъ найденъ нами ключъ къ объясненію всего, о чемъ толковали мы съ подробностями, которыя теперь оказываются совершенно не нужны. Азіатская обстановка жизни, азіатское устройство общества, азіатскій порядокъ дѣлъ,—этими словами сказано все, и нечего прибавлять къ нимъ".

Вотъ основное убѣжденіе Ч., съ котораго онъ никогда не сходилъ; а остальное... что съ точки зрѣнія демократіи Сибирь лучше Англіи,—эта фраза была единственно результатомъ раздраженія противъ либераловъ, которые видѣли въ Англіи рай, она исходила изъ того, что онъ былъ озлобленъ противъ дворянъ. Вотъ еще позвольте процитировать:

„Мы нашли коренную причину не только явленія, объясненіемъ котораго спеціально занимаемся въ этой статьѣ, но и всѣхъ тѣхъ фактовъ, которые представлялись намъ ближайшими причинами его. Не только слабость успѣховъ нашего земледѣлія, но и медленность въ развитіи нашего населенія вообще, нашего городского населенія въ частности, неудовлетворительное состояніе нашихъ путей сообщенія, торговли, промышленности, недостатокъ оборотнаго капитала въ земледѣліи,—все это, и не только это, но также и крѣпостное право, и упадокъ народной энергіи, и умственная наша неразвитость,—всѣ эти факты подобно всѣмъ другимъ плохимъ фактамъ нашего быта, коренную сильнѣйшую причину свою имѣютъ въ состояніи нашей администраціи и судебной власти".

Такъ вотъ въ чемъ коренное зло нашей жизни, именно въ формахъ нашей администраціи, суда и въ отсутствіи политической свободы, а все остальное есть остественный и неизбѣжный результатъ. Въ виду такого отношенія Ч., можемъ-ли мы сближать его съ тѣми, кто стоялъ на почвѣ принципіальнаго отрицанія политики, кто прин-

ципіально отрицалъ политическую борьбу? Для утопистовъ характерна вражда къ революціи, вѣра въ мирную пропаганду, убѣжденіе въ томъ, что соціализмъ можетъ возникнуть только въ результатѣ моральнаго убѣжденія. Между тѣмъ Ч. много разъ говорилъ, что въ исторіи все достигается силой, что безъ примѣненія силы невозможно обойтись, онъ былъ самъ революціонеръ и доказалъ это своей жизнью. Онъ считалъ невозможнымъ достигнуть осуществленія идеаловъ иначе, какъ силой. Онъ былъ глубоко убѣжденъ въ спасительности революціи въ опредѣленный историческій моментъ. Я полагаю, что утопическимъ соціалистомъ Ч. не былъ; онъ враждебенъ тому духу, которымъ проникнуто ученіе Сенъ-Симона. Этимъ я вовсе не хочу сказать, что Ч. былъ марксистомъ. Я вовсе не думаю, что неизбѣжна такая альтернатива: или утопическій соціалистъ, или марксистъ. Чернышевскій стоялъ гораздо ниже Маркса по пониманію общественныхъ явленій. Можно указать среди писателей, къ которымъ онъ стоялъ ближе и которые на него вліяли,—прежде всего на Луи Блана, который первый указалъ принципіально на значеніе политическаго момента, который понималъ значеніе классовой борьбы и который глубоко повліялъ на историческое образованіе Ч. Часто указываютъ на то, что Ч. такъ же, какъ и Марксъ, признаетъ классовую борьбу и видятъ въ этомъ предвосхищеніе Ч-скимъ теоріи Маркса; но новаго тутъ ничего не было. Ч. эту мысль встрѣчалъ въ литературѣ. Уже въ „Histoire de dix ans“ Л. Блана идея классовой борьбы проходитъ красной нитью въ истолкованіи современной исторіи Франціи; и именно съ Луи Бланомъ можно найти у Ч. сходство. Ч. является соціалистомъ, убѣжденнымъ, что соціалистическій строй можетъ явиться результатомъ политической борьбы, и что при этомъ борьбу за новый строй— будутъ вести не всѣ классы общества, а преимущественно тотъ классъ, который Ч. называлъ простолюдинами, всѣ трудящіеся, всѣ представители физическаго труда. Я долженъ еще оговориться. Мнѣ могутъ указать, что Сенъ-симонисты тоже говорили о классовой борьбѣ, а между тѣмъ ихъ считаютъ представителями утопическаго соціализма. Однако, сенсимонисты объясняли классовой борьбой только всю прошлую исторію человѣчества, соціализмъ же по ихъ мнѣнію, не можетъ явиться результатомъ классовой борьбы. Они говорили, что человѣчество до послѣдняго времени не знало истины, но съ тѣхъ поръ, какъ Сенъ-Симонъ открылъ эту истину, классовая борьба стала безполезной и, наоборотъ, стала возможной мирная пропаганда; такъ что Сенъ-Симонъ стоялъ на точкѣ зрѣнія мирной пропаганды, а отнюдь не классовой борьбы. Чернышевскій и тутъ рѣзко расходится съ утопическими соціалистами. Онъ возлагалъ надежды именно на простолюдиновъ и настаивалъ, что именно простолюдины носители соціалистическаго идеала.

Такимъ образомъ вотъ общая точка зрѣнія Ч—скаго. Теперь я перехожу къ тому, какимъ образомъ рѣшалъ Ч. соціальную проблему для своей родины. Тутъ огромная заслуга его передъ русской общественной мыслью, предъ всѣмъ человѣчествомъ, поскольку Россія является факторомъ историческаго развитія человѣчества. Уже задолго до Ч—скаго въ русской литературѣ была сдѣлана попытка дать общее пониманіе условій русскаго общественнаго развитія. Родо-

начальникомъ ученія объ общинѣ можно считать не Ч—скаго, а нѣмца Гакстгаузена, который указалъ, что западно-европейская жизнь не обладаетъ институтомъ общиннаго землевладѣнія и что поэтому Россія ближе въ нѣкоторомъ отношеніи къ соціализму. Правда, самъ Гакстгаузенъ былъ очень консервативный человѣкъ, не революціонеръ и не соціалистъ, онъ вовсе не думалъ, что въ Россіи возможенъ соціалистическій строй; онъ только думалъ, что идеалы западноевропейскихъ соціалистовъ могли бы всего полнѣе осуществиться въ Россіи, въ той странѣ, которая всего дальше отъ этихъ идеаловъ. Затѣмъ Герценъ болѣе опредѣленно высказалъ ту же мысль: онъ много разъ указывалъ, что въ земельной общинѣ Россія обладаетъ драгоцѣннымъ преимуществомъ предъ Западной Европой. Наконецъ, третьимъ былъ Ч—скій, на котораго вліялъ не Герценъ, а „Studien“ Гакстгаузена; Ч—скій обосновалъ свои надежды на общину, давъ законченную историческую концепцію, изъ которой вытекаетъ право считать отсталую Россію ближе къ соціализму, чѣмъ Западъ. Я не буду останавливаться на Струковѣ, Вернадскомъ и другихъ экономистахъ, съ которыми приходилось полемизировать Чернышевскому. Въ „Экономическомъ Указателѣ“ начинается полемика между Чернышевскимъ и Вернадскимъ. Побѣда осталась на сторонѣ Ч—скаго; не подлежитъ сомнѣнію, что Ч., если бы даже онъ былъ не правъ, считая общину важнымъ факторомъ для достиженія соціализма, обнаружилъ болѣе знанія дѣйствительности, болѣе глубокое пониманіе общественныхъ явленій, нежели его противникъ Вернадскій. Болѣе того, Ч—скій въ этой полемикѣ высказалъ почти все то, что теперь высказывается въ защиту русской общины. Чернышевскій указывалъ, что если даже согласиться съ тѣмъ, что существующая русская община является тормазомъ для развитія земледѣлія, то нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, чтобы, не уничтожая общины, установленіемъ болѣе рѣдкихъ передѣловъ устранить препятствія къ развитію болѣе интенсивныхъ формъ земледѣлія. Но я не буду останавливаться на этихъ частностяхъ. Достаточно сказать, что впервые вопросъ о русскомъ общинномъ землевладѣніи получаетъ полное и яркое освѣщеніе у Ч—скаго, и тутъ онъ является однимъ изъ творцовъ идеи, которая не умерла вплоть до нашего времени. Но главное значеніе Ч—скаго заключается даже не въ этомъ, а въ томъ, что онъ вставилъ эти свои разсужденія объ общинѣ въ рамки широкой философской концепціи, которая тоже живетъ до настоящаго времени. Я не буду подробно останавливаться на этой концепціи. Хотя Ч. былъ послѣдователемъ Фейербаха, но тутъ онъ принимаетъ схему Гегеля: тезисъ, антитезисъ, синтезъ. Отправнымъ пунктомъ является общинное землевладѣніе, первобытный коммунизмъ. Затѣмъ, въ силу необходимости повышенія техники производства, возникаетъ частное землевладѣніе, земля переходитъ изъ рукъ въ руки. И, въ концѣ концовъ, является третій моментъ: въ силу того, что при частномъ землевладѣніи реальнымъ производителемъ является фермеръ, а не собственникъ земли, послѣдній же не заинтересованъ въ обработкѣ земли, — форма эта подлежитъ уничтоженію, и единственнымъ средствомъ заинтересовать производителя и достигнуть поднятія производительности труда на самую высшую ступень, является переходъ земли въ общественную собственность, т. е.

возстановленіе первоначальнаго тезиса. Эта схема дала Ч—скому право сдѣлать выводъ, что Россія находится ближе къ конечной цѣли: исторія, какъ ласковая бабушка очень любитъ своихъ младшихъ внуковъ и даетъ имъ не ossa, а medula ossium. Итакъ, Россія въ силу своей отсталости еще ближе къ соціалистическому строю, чѣмъ Зап. Европа. При этомъ Ч. дополняетъ свои построенія соображеніемъ, что нѣтъ необходимости, чтобы историческій рядъ былъ пройденъ цѣликомъ, такъ что Россія можетъ миновать одну фазу въ своемъ развитіи. Въ томъ и заключается польза историческаго предвидѣнія, чтобы содѣйствовать обществу въ скорѣйшемъ переходѣ къ новымъ формамъ. Въ смыслѣ философской концепціи, которая живетъ въ нѣсколько измѣненномъ видѣ вплоть до нашего времени, эти мысли Ч. чрезвычайно важны. Концепція эта принадлежитъ всецѣло Ч—скому, Герценъ по отношенію къ нему игралъ только роль предтечи. Вся схема должна считаться авторской собственностью самого Ч—скаго.

Итакъ съ точки зрѣнія Ч—скаго, мы въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ ближе къ соціализму, чѣмъ Зап. Европа. Но Ч—скій вовсе не разочаровался въ Зап. Европѣ; наоборотъ, онъ былъ чуждъ той идеализаціи Россіи, которая сдѣлала Герцена чуть не славянофиломъ. Поставивъ впервые вопросъ о возможности для Россіи достигнуть соціалистическаго строя, Чернышевскій указывалъ только, что соціалистическій строй можетъ развиться въ Россіи и на Западѣ разными путями. Тамъ благодаря экспропріаціи земельной собственности мелкіе землевладѣльцы могутъ явиться носителями борьбы. Въ Россіи эта экспропріація не произошла. Такимъ образомъ выходитъ, что у Ч—скаго не было и тѣни тѣхъ славянофильскихъ замашекъ, которыя характеризовали Герцена. Переходя къ учету тѣхъ реальныхъ общественныхъ силъ, которыя могли бы въ Россіи содѣйствовать перевороту, Ч—скій больше всего останавливается на простолюдинахъ, на рабочемъ людѣ и на крестьянствѣ. Вполнѣ понятно, что онъ не интересовался пролетаріатомъ, такъ какъ послѣдній имѣлся только въ зародышѣ. Чернышевскій надѣялся, главнымъ образомъ, на русскихъ крестьянъ, и здѣсь мы замѣчаемъ очень интересную эволюцію. Вначалѣ, когда Ч—скій стоялъ гораздо дальше отъ практической общественной жизни, онъ не считаетъ возможнымъ въ сколько-нибудь близкомъ будущемъ осуществленіе общественнаго переворота; онъ считаетъ, что переворотъ произойдетъ въ далекомъ будущемъ, а именно, по его разсчету, конечно меньше, чѣмъ черезъ тысячу лѣтъ, но не менѣе чѣмъ черезъ 100—150. Вмѣстѣ съ тѣмъ, мы находимъ у Ч—аго невысокую оцѣнку умственнаго уровня народныхъ массъ, подготовленности ихъ къ перевороту, активности крестьянства и общественной его сознательности. Но мало-по-малу, по мѣрѣ того, какъ поднимается общественная волна, Ч—скій сходитъ съ этой безнадежной позиціи и начинаетъ относиться болѣе довѣрчиво къ революціонности крестьянства. Правда, и въ апогеѣ своего увлеченія онъ не раздѣлялъ всѣхъ надеждъ на крестьянство, которыя питались другими; возможно думать, что Ч. никогда полной вѣры въ возможность вполнѣ успѣшнаго движенія не раздѣлялъ. Онъ былъ наиболѣе скептически настроенъ по сравненію съ другими, но все-же онъ былъ революціонеромъ; сочувствіе его революціоннымъ организаціямъ не подлежитъ ни

малѣйшему сомнѣнію. Онъ склонялся къ той мысли, что крестьянская масса не безнадежна, что масса простолюдиновъ, т. е. русское крестьянство, благодаря своей общинѣ, способна совершить огромный переворотъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, мы видѣли у Ч-скаго любопытный планъ радикальнаго преобразованія, гдѣ фигурируетъ не ассоціація, а нѣчто вродѣ націонализаціи земли, правда, ограниченной; а именно планъ сводится къ тому, что государство санкціонируетъ крестьянское землевладѣніе, выступаетъ со своей охраной по отношенію къ крестьянской землѣ, признаетъ землю, которая находится во владѣніи крестьянства, государственной собственностью и устанавливаетъ право каждаго человѣка на землю; всѣ дѣти должны быть одинаково милы родинѣ и имѣютъ равное право получить участокъ земли. Но вмѣстѣ съ тѣмъ сохраняется и частное землевладѣніе въ тѣхъ размѣрахъ, въ коихъ оно фактически существовало въ данный моментъ.

Такимъ образомъ, у Ч-скаго нѣтъ стремленія экспропріировать частное землевладѣніе, т. е. ту землю, которая не находилась въ пользованіи самихъ крестьянъ. Переворотъ по мысли Ч. долженъ быть совершенъ крестьянами; но не одними крестьянами: Ч. имѣетъ въ виду еще и другую общественную группу, группу, которая сформировалась на его глазахъ. Эту группу составляютъ „новые люди“, „особые люди“, разночинная интеллигенція, которая группировалась вокругъ самого Ч-скаго. Всѣ симпатіи Ч-скаго находятся на сторонѣ этихъ „новыхъ людей“, которыхъ онъ такъ ярко описалъ въ своемъ романѣ „Что дѣлать“. Революціонная крестьянская масса съ революціонной интеллигенціей во главѣ,—таковы реальныя революціонныя силы Россіи по представленію Ч.: благодаря существованію этихъ элементовъ Россія ближе къ соціализму, чѣмъ Зап. Европа. Всѣ эти представленія теперь подводятся подъ понятіе народничества. Такимъ образомъ, у насъ еще одна черта: Чернышевскій — соціалистъ-народникъ, который вѣритъ въ политическую борьбу. Онъ считаетъ, что могутъ быть выбрашены извѣстныя звенья на пути развитія, пройденномъ Зап. Европой. Онъ народникъ и въ своихъ представленіяхъ о значеніи формъ нашей промышленности. Въ рецензіи на книгу Журавскаго Ч. указываетъ, что наиболѣе желательной для насъ формой промышленности является кустарная. Что касается фабрики, то онъ признаетъ ее гораздо менѣе желательной формой, чѣмъ кустарную промышленность. Однако у него нѣтъ той враждебности, которая характеризовала позднѣйшихъ народниковъ. Оцѣнка фабрики, по мнѣнію Ч-скаго, должна быть сдѣлана съ точки зрѣнія интересовъ самихъ трудящихся классовъ. И тутъ онъ оговаривается, что фабрика можетъ быть полезна, поскольку она даетъ заработокъ крестьянамъ. Во всякомъ случаѣ, мы видимъ, что Ч-скій пролагаетъ путь нашему народничеству. Однако, нужно подчеркнутъ, что Ч-скій не былъ врагомъ промышленности вообще; напротивъ, онъ былъ сторонникомъ промышленнаго прогресса, и даже на склонѣ лѣтъ продѣлалъ эволюцію, которую продѣлалъ и Бѣлинскій: именно онъ придавалъ все болѣе и болѣе значенія нашей буржуазіи. Въ 80-хъ годахъ онъ говоритъ, что наша буржуазія можетъ активно способствовать политическому освобожденію и такъ какъ политическую свободу онъ всегда считалъ настоятельной потребностью Россіи, то ради нея онъ готовъ былъ мириться съ буржуазіей.

Вотъ бѣглый очеркъ взглядовъ и стремленій Ч-скаго. Изъ этого бѣглаго очерка вы видите, что Ч. сдѣлалъ очень много въ разныхъ областяхъ. Но отнюдь нельзя отрицать, что очень многія изъ его воззрѣній теперь отвергаются наукой. Въ моихъ глазахъ это не роняетъ Ч-скаго; для меня онъ важенъ и дорогъ вовсе не какъ ученый. Разумѣется, онъ ученый огромнаго ума и огромныхъ знаній, но это не Марксъ, не Рикардо и не Адамъ Смитъ, это не такой ученый, чтобъ его работы навсегда вошли въ науку; З. Европа не знаетъ Ч-скаго и ничего отъ этого не теряетъ. Мы же должны знать его. Мнѣ кажется, что Ч. имѣетъ огромное значеніе для насъ, какъ учитель жизни, какъ духовный вождь русской интеллигенціи. Онъ привлекателенъ всѣмъ своимъ моральнымъ обликомъ. Ч. былъ сторонникомъ доктрины утилитарной нравственности, проповѣдникомъ теоріи эгоизма. Получается очень смѣшное и въ то же время трогательное впечатлѣніе, когда мы въ романѣ „Что дѣлать“, который имѣетъ, помимо прочаго, огромныя художественныя достоинства, видимъ, что всѣ дѣйствующія лица, всѣ герои говорятъ, что дѣйствуютъ изъ эгоизма, настаиваютъ на томъ, что нуженъ комфортъ, а въ то же время отказываются отъ своей личной жизни, отъ любимой женщины. Въ этомъ есть что-то такое, что захватываетъ читателя своей наивностью. Что касается до самаго Ч-скаго, то въ немъ самое трогательное составляетъ это глубокое несоотвѣтствіе между его раціоналистической проповѣдью и его моральнымъ обликомъ. Я не отрицаю того, что въ его натурѣ были раціоналистическія черты; но вѣдь это былъ огромный умъ; въ его головѣ развертывался колоссальный міръ мысли, которымъ онъ увлекался. Да, онъ былъ разсудочной натурой, но въ то же время мы видимъ въ немъ рѣдкое соединеніе съ разсудочностью теплаго и мягкаго сердца. Когда мы читаемъ его письма, его „Дневникъ“, то онъ выступаетъ такимъ мягкимъ, любящимъ, лишеннымъ всякой ревности. Холодный умъ и мягкое сердце въ немъ соединялись. Но онъ не только мягкій человѣкъ, онъ—человѣкъ огромной, желѣзной воли. Въ своемъ „Дневникѣ“ онъ жалуется на то, что онъ склоненъ къ унынію, что онъ нерѣшителенъ, что онъ нуждается въ опорѣ, а между тѣмъ этотъ человѣкъ могъ жить десятки лѣтъ въ такомъ одиночествѣ, въ уединеніи, испытывать такія огромныя лишенія, и при этомъ быть оторваннымъ отъ своего великаго дѣла. Онъ зналъ свои большія силы, когда писалъ, что будетъ добрымъ учителемъ людей, подобно Аристотелю, въ теченіе многихъ столѣтій. Онъ зналъ, что онъ говоритъ. И вотъ человѣкъ, лишенный возможности продолжать свое великое дѣло, переноситъ спокойно все, и безъ слова сожалѣнія вспоминаетъ тотъ шагъ, который привелъ его къ тюрьмѣ и ссылкѣ, и это несмотря на то, что Ч. зналъ, что онъ взялся не за свое дѣло. Онъ шелъ на Голгоѳу и не говорилъ: „да минетъ меня чаша сія“. Владиміръ Галактіоновичъ Короленко въ своихъ воспоминаніяхъ говоритъ, что Ч. прекрасно понималъ своимъ яснымъ, безпощаднымъ умомъ всю иллюзорность стремленій революціонеровъ, и тѣмъ не менѣе онъ пошелъ и погибъ за то дѣло, въ которое онъ не вѣрилъ и, погибнувши, онъ не издалъ ни одного стона сожалѣнія. Вотъ это соединеніе мягкости съ желѣзнымъ героизмомъ есть его исключительная особенность. Но этого мало. Его отличаетъ еще необычная жизнерадостность. Когда вы чи-

таете сны Вѣры Павловны, тогда вы читаете описаніе счастливой жизни супруговъ, вы видите, сколько у него способности къ непосредственному наслажденію жизнью, сколько дѣтской радости жизни,— радости, которая даже послѣ, когда онъ подвергся ссылкѣ, его не оставляла. Потерявъ надежду быть Аристотелемъ для людей, перенеся такую трагическую участь, онъ все-же говорилъ, бывало, въ ссылкѣ, тряхнувъ своими густыми волосами: а всетаки, много хорошаго было въ прошломъ. Только понявъ эти слова, такія характерныя для всего нравственнаго облика Ч-скаго, мы поймемъ все величіе и трогательность этой крупной фигуры.

Изъ всего того, что сказалъ Ч-скій, многое и даже большая часть теперь уже не принадлежитъ къ интересамъ дня. Но есть нѣчто такое, что никогда не умретъ. Онъ былъ однимъ изъ самыхъ яркихъ свѣточей русской интеллигенціи. Въ этомъ своемъ значеніи онъ будетъ жить и жить... И еще много лѣтъ въ Ч-скомъ люди будутъ черпать, какъ въ ясномъ источникѣ живой борьбы, вѣру въ людей и радость жизни и готовность къ самоотверженной борьбѣ *(апплодисменты)*.

Предсѣдатель. Слово принадлежитъ М. А. Антоновичу.

Изъ воспоминаній о Н. Г. Чернышевскомъ.

М. А. Антоновичъ. Скорбныя и горестныя мысли и чувства вызываетъ этотъ день, хотя онъ и не былъ днемъ дѣйствительной психической смерти оплакиваемаго нами человѣка. Николай Гавриловичъ Чернышевскій, на несчастье нашей литературы и на горе нашего общества, умеръ психически или, точнѣе говоря, былъ заживо погребенъ гораздо раньше, еще въ 1862 г. 7 іюля въ $2^1/_2$ часа пополудни на моихъ глазахъ („Былое“, 1906, мартъ), и съ тѣхъ поръ взаперти, безъ всякихъ сношеній съ человѣческимъ міромъ, влачилъ жалкое полумертвое существованіе, немного улучшившееся только года за два до дѣйствительной физической смерти его. Для всѣхъ замѣтная, серьезная и вліятельная литературная дѣятельность его началась въ 1855 г. и значитъ онъ проработалъ въ литературѣ только около 7 лѣтъ. Но и въ теченіе этого короткаго періода какъ много онъ сдѣлалъ почти во всѣхъ крупныхъ отрасляхъ литературы, и какое сильное и неотразимое вліяніе имѣлъ на читателей. Онъ началъ литературной критикой и разъясненіемъ и характеристикой новаго тогда періода русской литературы, потомъ перешелъ къ политикѣ и политической исторіи, а наконецъ обратился къ политической экономіи. Какой обширный горизонтъ онъ охватывалъ и какіе богатые были у него умственные задатки для вліятельной и плодотворной публицистической дѣятельности! И во всѣхъ избранныхъ имъ литературныхъ областяхъ онъ съ неослабной энергіей и съ замѣчательнымъ успѣхомъ проводилъ высокія гуманныя идеи свободы и равенства. И значитъ, сколько бы онъ еще надѣлалъ добра, если бы его дѣятельность не была насильственно прервана такъ скоро!

Особенно важнымъ и цѣннымъ въ литературной дѣятельности Николая Гавриловича, какъ это оказывается особенно теперь, было то, что онъ былъ отъявленнымъ врагомъ всякой мистики и супранатуральной метафизики, чадомъ и угаромъ которыхъ затуманиваютъ умы

читателей нынѣшніе модные литераторы. И было бы очень желательно и крайне полезно, если бы нынѣшніе читатели почаще вентилировали свои головы и освѣжали свои умы здравымъ реализмомъ Николая Гавриловича и если бы имъ это рекомендовали другіе литераторы, пока еще не охваченные религіознымъ вихремъ. Но къ сожалѣнію даже самъ К. Марксъ относился къ экономическимъ работамъ и идеямъ Н. Г. гораздо снисходительнѣе и цѣнилъ ихъ гораздо выше, чѣмъ эти нынѣшніе писатели, которые находятъ, что эти идеи его были просто утопичны и потому несогласны съ ихъ идеями,—что ихъ крайне удивляетъ, хотя для этого удивленія вовсе нѣтъ достаточныхъ основаній. Вѣдь писатели эти не сами же выдумали научный соціализмъ, а вычитали его изъ новыхъ иностранныхъ книжекъ. Какъ знать,—еслибы эти книжки были извѣстны и доступны Н. Г., то можетъ быть онѣ и его просвѣтили бы и онъ бы попалъ въ сонмъ научныхъ соціалистовъ.—Точно также весьма возможно, что если бы онъ исключительно посвятилъ себя политической экономіи и, избравъ своею спеціальностью разработку вопроса о соціализмѣ, заперся бы какъ истый ученый въ своемъ кабинетѣ, всецѣло углубившись въ свою спеціальность, не увлекаясь и не развлекаясь спѣшною горячею и не отложною публицистикой, и если бы онъ проработалъ такимъ образомъ мирно и спокойно не 7, а 27 лѣтъ, то можетъ быть и онъ возвысился бы до уровня нынѣшнихъ умныхъ критиковъ его, научныхъ соціалистовъ. Да кромѣ того утопія, особенно еще какъ мѣра и орудіе публицистики,—а Н. Г. былъ спеціалистъ публицистъ — можетъ дѣйствовать въ нѣкоторыхъ случаяхъ гораздо сильнѣе, больше возбуждать умъ и скорѣе вызывать энтузіазмъ въ сердцахъ, чѣмъ трезвенные, строго научные сюжеты. Въ „Что дѣлать“ есть утопіи; но онѣ производили и производятъ такое сильное дѣйствіе и такое возбужденіе, какого ни въ какомъ случаѣ не произведутъ писанія нашихъ научныхъ соціалистовъ. Судить правильно объ экономической сторонѣ крестьянской реформы, объ общинѣ Н. Г. нисколько не помѣшало то, что онъ погрязъ въ утопіи и не возвысился до идей этихъ соціалистовъ. Это же буквально примѣнимо ко всѣмъ публицистическимъ сужденіямъ Н. Г. объ явленіяхъ современной ему русской жизни.

Скорбное и возмутительное чувство при мысли о томъ, что литературная дѣятельность Н. Г. была такъ непродолжительна и была насильственно и жестоко прервана въ самомъ полномъ расцвѣтѣ ея, еще болѣе усиливается при воспоминаніи объ особенно характерной чертѣ его ума. Это былъ умъ повелительный, властный, дѣйствовавшій на читателя неотразимо и неотвратимо. Онъ какъ будто самъ сознавалъ свою силу и потому во всѣхъ своихъ статьяхъ онъ нисколько не старался ублаготворять читателя, привлекать его на свою сторону, искать его расположенія, убѣждать его, уговаривать, упрашивать. Казалось, какъ будто въ глубинѣ души онъ говорилъ читателю: хочешь ли ты соглашаться со мною или не хочешь, но непремѣнно согласишься, разъ я представлю тебѣ мои аргументы. И потому въ статьяхъ онъ говорилъ съ читателемъ просто безъ церемоній, строго и увѣренно велъ свою линію, какъ будто игнорируя читателя. То невнимательное и нелюбезное отношеніе къ читателю, которое онъ довелъ до шаржа въ „Что дѣлать“ и замѣтно сказывалось во всѣхъ его статьяхъ, ко-

нечно, было слѣдствіемъ, можетъ быть, даже безсознательной увѣренности въ своей силѣ. Его статьи отличались и дѣйствовали на читателя не увлекательностью или блескомъ, а строгой логичностью, очевидностью, опредѣленностью и ясностью, безъ всякихъ прикрасъ и заискиваній.—Эта характерная особенность статей Н. Г. выступаетъ особенно явственно при сравненіи ихъ съ статьями Добролюбова, тоже очень своеобразными. Статьи послѣдняго увлекательны, сердечны, милы, мягки. Слово его не властно и повелительно, какъ слово Н. Г., но оно обаятельно и увлекательно.

Да, съ какой стороны ни посмотришь на Н. Г., всегда въ умѣ является неотвязчивый мучительный вопросъ: сколько пользы могъ бы принести русской литературѣ и русскому обществу этотъ богато одаренный, энергичный и властный умъ, если бы его не лишили возможности продолжать работу на избранномъ имъ поприщѣ непрерывно до конца дней его? — Есть одно дѣло, относительно котораго не гадательно и предположительно, а навѣрное можно утверждать, что онъ блестяще осуществилъ бы его. По закрытія „Современника“ онъ задумалъ планъ издать русскую энциклопедію. По всей вѣроятности образцомъ для нея послужила бы французская энциклопедія XVII вѣка, и она навѣрное немногимъ бы уступала французскому образцу и во всякомъ случаѣ была бы въ тысячу разъ лучше нашихъ нынѣшнихъ онѣмеченныхъ брокгаузо-мейеровскихъ энциклопедій.

Выдающійся сильный умъ, обогащенный обширными познаніями, единогласно признавали въ Н. Г. какъ его друзья и почитатели, такъ къ несчастью и его противники и враги. Но о цѣльномъ и полномъ психическомъ обликѣ его, объ эмоціональной сторонѣ его психики мнѣнія очень расходились; и эту сторону его натуры неправильно понимали и не цѣнили даже люди, не бывшіе ни врагами, ни соперниками его и даже водившіе съ нимъ повидимому близкое знакомство. По этимъ мнѣніямъ Н. Г. былъ человѣкъ сухой, холодный и черствый, правильно неуравновѣшенный, безпорядочно порывистый, безъ эстетическаго чувства и вкуса, считавшимъ искусство, какъ видно изъ его неудачной диссертаціи, только обиходною утилитарною вещью. Другіе находили, что это человѣкъ надмѣнный, съ колоссальнымъ самомнѣніемъ, считавшій себя выше и умнѣе всѣхъ и потому презрительно относившійся ко всѣмъ, надъ всѣми издѣвавшійся и вообще неспособный къ чувствамъ преданной любви и горячей привязанности къ людямъ. Ботъ, напр., Герцену Н. Г., какъ человѣкъ, вовсе не нравился; онъ находилъ его неискреннимъ, лукавымъ, хитрымъ, „себѣ на умѣ“, какъ онъ выражался. Кавелинъ, бывшій близкій знакомый и, можно даже сказать, пріятель Н. Г., характеризовалъ его такимъ образомъ: „такого брульона, безтактнаго и самонадѣленнаго человѣка я никогда еще не видалъ“. Такъ говорили не противники и не враги Н. Г. А враги, конечно, характеризовали его еще рѣзче и хуже.—Всѣ подобные неблагопріятные отзывы о характерѣ Н. Г. лицъ невраждебныхъ ему объясняются или тѣмъ, что эти лица судили о немъ на основаніи первыхъ и вообще немногихъ впечатлѣній, или же имѣли возможность и случай видѣть только, такъ сказать, внѣшнюю наружную сторону его психики и не могли проникнуть черезъ эту наружность въ самую глубь и суть его души, цѣльной и вполнѣ гармоничной.

Нужно впрочемъ правду сказать, что самъ Н. Г. подавалъ нѣкоторый внѣшній поводъ къ подобнымъ сужденіямъ о немъ своимъ обращеніемъ, своими манерами и пріемами при всякихъ какъ важныхъ, такъ и неважныхъ сношеніяхъ съ другими. — Обыкновенно рѣчь его пересыпалась шутками, прибаутками, остротами, анекдотами и все время сопровождалась смѣхомъ, даже хохотомъ. Люди близкіе знали эту манеру, привыкли къ ней, терпѣливо ожидали того момента, когда онъ серьезно и какъ-бы мимоходомъ скажетъ, обыкновенно въ немногихъ словахъ, то, о чемъ его спросили или что онъ хотѣлъ сообщить. Но на свѣжихъ постороннихъ людей эта манера производила странное непріятное впечатлѣніе; отъ Чернышевскаго они такой манеры не ожидали. Въ то время еще не было моды на интервьюированія, но къ Н. Г. являлись многіе именно съ цѣлью интервьюировать его, узнать его мысли и чувства по поводу какого нибудь случая или событія и — страшно разочаровывались. Иногда къ нему являлись очень серьезные люди и съ очень серьезными вопросами или предложеніями. Но и въ этихъ случаяхъ онъ измѣнялъ, смягчалъ и прикрашивалъ свою манеру ровно настолько, чтобы она не казалась невѣжливой и обидной. Это былъ какой то странный капризъ, нежеланіе переходить сразу на серьезный тонъ. Извѣстный русскій офицеръ и польскій дѣятель Сѣраковскій просто былъ возмущенъ и взбѣшенъ пріемомъ Н. Г., когда онъ явился къ нему въ первый разъ. Конечно, потомъ, узнавши поближе Н. Г., онъ сталъ пріятелемъ его.

Но помимо этого и вообще Н. Г. былъ человѣкъ въ высшей степени не общительный, раскрывавшій свою душу, свои интимныя задушевныя мысли и чувства только передъ самыми близкими къ нему людьми, да и то очень рѣдко. Въ числѣ немногихъ и я имѣлъ счастье видѣть и слышать Н. Г. въ рѣдкія минуты его откровенности, когда являлась во всей полнотѣ и неприкровенно его гармоничная увлекательная натура. Я долженъ сказать, что первая моя встрѣча съ Н. Г. и на меня произвела не вполнѣ благопріятное впечатлѣніе. — Свои первыя статьи для „Современника“ я приносилъ къ Добролюбову, который принялъ меня весьма радушно и любезно, какъ давнишній знакомый и даже какъ пріятель. Онъ съ перваго же раза очаровалъ меня и я сразу же почувствовалъ къ нему искреннее расположеніе.— Статьи мои были помѣщены въ „Современникѣ“, а Добролюбовъ скоро уѣхалъ за границу, не сообщивъ редакціи ни моего адреса и никакихъ свѣдѣній обо мнѣ. А между тѣмъ Н. Г. заинтересовался мною и желалъ познакомиться со мною; запрашивалъ Добролюбова о моемъ адресѣ и, не получивъ его, рѣшилъ ждать, пока я явлюсь въ контору „Современника“ за полученіемъ гонорара и сообщу свой адресъ. А я и не думалъ являться за гонораромъ; мнѣ было совѣстно самому требовать его и я рѣшилъ ждать возвращенія такъ хорошо расположеннаго ко мнѣ Добролюбова. Въ это время Н. Г. случайно встрѣтилъ гдѣ то моего товарища по академіи и справлялся у него обо мнѣ. Тотъ не зналъ моего адреса, но сказалъ, что узнаетъ черезъ общихъ знакомыхъ и повидается со мною. Тогда Н. Г. поручилъ ему передать мнѣ его строжайшій наказъ, чтобы я немедленно же явился къ нему въ какое угодно время, и если его не будетъ дома, то чтобы я подождалъ его, такъ какъ домашніе скажутъ, когда онъ навѣрное

возвратится. Я конечно немедленно же отправился къ нему съ нѣкоторымъ безпокойствомъ и опасливымъ волненіемъ. Онъ сразу же, что называется, накинулся на меня, сталъ упрекать, что я не являюсь, не даю своего адреса, прячусь точно должникъ отъ кредиторовъ, тогда какъ я кредиторъ, а редакція должникъ, строго допрашивалъ меня, почему я не являлся за гонораромъ, что думаю дѣлать съ собой, чѣмъ заняться. И когда я сказалъ, что по совѣту Николая Александровича (Добролюбова) я рѣшилъ посвятить себя педагогической практикѣ, учительствовать гдѣ нибудь, онъ съ недовольнымъ видомъ и строго проговорилъ: вотъ какія глупости; бросьте всѣ ваши затѣи; вы будете учительствовать въ „Современникѣ“ и немедленно же подите въ контору журнала при книжномъ магазинѣ. Тамъ я отобралъ для васъ нѣсколько книгъ; пишите объ нихъ или большія статьи или короткія, какъ хотите, какъ знаете, да только пожалуйста поскорѣе.—Въ заключеніе онъ велѣлъ мнѣ, кромѣ дѣловыхъ дневныхъ посѣщеній, непремѣнно приходить къ нему еженедѣльно вечеромъ ужъ не помню въ какой день, который былъ у него журфиксомъ.—По уходѣ я невольно вспомнилъ о первомъ вовсе не суровомъ, а чисто товарищескомъ пріемѣ меня милымъ и симпатичнымъ Добролюбовымъ, снабдившимъ меня и поучительными книгами и поучительными совѣтами. Но въ то же время я, къ своему удивленію, замѣтилъ въ себѣ какую то внезапную перемѣну, почувствовалъ, что я безпрекословно и какъ будто даже безсознательно подчинился даннымъ мнѣ приказаніямъ, безъ колебанія, безъ раздумья и безъ возраженій бросилъ свои прежніе планы, придуманные вмѣстѣ съ Добролюбовымъ. И я тѣмъ болѣе удивлялся, что такая рѣзкая и внезапная перемѣна произошла во мнѣ только вслѣдствіе нѣсколькихъ словъ, произнесенныхъ Н. Г. Это обстоятельство, а также два или три послѣдующихъ свиданія убѣдили меня, что мое первое впечатлѣніе было ошибочно и несоотвѣтственно и что первый пріемъ меня Н. Г. былъ еще лучше, сердечнѣе и любовно сочувственнѣе пріема Добролюбовымъ и я впослѣдствіи всегда чувствовалъ, что меня влечетъ и приковываетъ больше къ Н. Г., чѣмъ къ Добролюбову.

Нечего и говорить, что я неупустительно бывалъ на журфиксахъ Н. Г., гдѣ собиралось самое разнообразное и блестящее интеллигентное общество; тутъ были литераторы молодые и старые, патентованные ученые-академики и простые ученые, профессора университета, военной академіи и другихъ высшихъ учрежденій, офицеры, врачи и др., люди всевозможныхъ настроеній и направленій. Тогда (1860) реакція еще только начиналась почти незамѣтно и общество еще не дифференцировалось и не разбилось на два враждебныхъ лагеря, прогрессистовъ и реакціонеровъ, опасныхъ нигилистовъ и благонадежныхъ патріотовъ. Но уже въ слѣдующемъ году изъ прежнихъ посѣтителей журфиксовъ Н. Г. являлись къ нему очень немногіе, а большинство сторонилось отъ него какъ отъ опаснаго человѣка, одного изъ главарей нигилизма. На этихъ блестящихъ журфиксахъ я, конечно, конфузился, робѣлъ и боялся промолвить слово. Но и доставалось же мнѣ за это отъ Н. Г., который сердился, бранился, но больше смѣялся надо мною.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ первой встрѣчи съ Н. Г. я

коротко сблизился съ нимъ и сталъ для него своимъ человѣкомъ; онъ удостаивалъ меня своей откровенностью и запросто повѣрялъ мнѣ свои задушевныя мысли и чувства. Это большею частью происходило при такой обстановкѣ. Я жилъ въ огромномъ по тому времени домѣ, выходившемъ на три улицы, и въ бельэтажѣ этого дома помѣщались бани. Н. Г. почти каждую субботу ходилъ въ эти бани и отсюда по сосѣдству заходилъ ко мнѣ пить чай. И вотъ здѣсь-то за самоваромъ и за чаемъ до очевидности раскрывалась его симпатичная, обаятельная и нѣжная натура. — Прежде всего онъ начиналъ выхвалять мой самый обыкновенный чай и увѣрялъ, что онъ никогда и нигдѣ не пилъ такого вкуснаго и хорошо приготовленнаго чаю. Затѣмъ послѣ короткаго разговора или объ обыкновенныхъ житейскихъ, или о журнальныхъ дѣлахъ онъ—человѣкъ, якобы необычайнаго самомнѣнія,—разражался самообличеніями: что у него бездна недостатковъ, нѣтъ твердости въ характерѣ, что онъ очень податливъ, что ему недостаетъ мужества, что онъ дѣлаетъ много глупостей, вотъ, напр., то-то и то-то и т. д. Эти самообличенія обыкновенно пересыпались панегириками Добролюбову, у котораго-де нѣтъ этихъ недостатковъ, онъ всегда твердъ и непоколебимъ, какъ скала, что у него завидныя и обширныя познанія и т. д. Однажды я попробовалъ, было, возразить ему и сказалъ, что ему нѣтъ основаній завидовать обширности познаній Добролюбова, потому что у него самого еще больше этого добра и притомъ изъ разныхъ областей, тогда какъ Добролюбовъ силенъ только въ одной области. Онъ просто вскипѣлъ и горячо, почти съ крикомъ заговорилъ: что вы? Что вы это говорите? вѣдь Добролюбовъ только что со школьной скамейки, а дайте ему дожить до моихъ лѣтъ, такъ вы увидите, что изъ него будетъ. Еще на школьной скамейкѣ онъ уже окончательно сформировался и установился, а я... а я... и опять полились самообличенія.—Здѣсь мимоходомъ замѣчу, что я ни одного разу не слышалъ отъ Добролюбова ни одного слова, ни единаго звука для выраженія его сужденій, какъ о личности Н. Г., такъ и объ его статьяхъ, точно это такой сюжетъ, что говорить о немъ — значитъ профанировать его.

На этихъ же чаепитіяхъ и бесѣдахъ иногда происходило то, чему ни за что не повѣрили бы люди, поверхностно знавшіе Н. Г. и отрицавшіе въ немъ эстетическое чувство. Онъ съ удовольствіемъ, мало того, съ какимъ-то особеннымъ наслажденіемъ, декламировалъ любимыя имъ стихотворенія классическихъ поэтовъ нашихъ и нѣмецкихъ и французскія демократическія пѣсенки. При декламированіи стихотвореній съ политическимъ оттѣнкомъ, напр. Рылѣева, голосъ его дрожалъ отъ волненія и въ глазахъ навертывались слезы. Признаюсь, первое такое декламированіе и для меня было неожиданнымъ сюрпризомъ, и я, значитъ, зналъ тогда Н. Г. такъ мало, что не считалъ возможными съ его стороны эстетическія увлеченія. А между тѣмъ его маленькая книжка о Пушкинѣ, въ которой онъ такъ симпатично и любовно говорилъ о стихотвореніяхъ этого поэта, должна была показать мнѣ и другимъ, что въ груди Н. Г. была очень чувствительная эстетическая жилка, что бы ни говорила намъ его диссертація.

Въ теченіе моего недолгаго (около 3-хъ лѣтъ) близкаго знакомства съ Н. Г. я видѣлъ много случаевъ, въ которыхъ ярко проявля-

лась привлекательная и обаятельная эмоціонная сторона его богатой натуры: ея альтруистическія стремленія, готовность дѣлать добро и помогать всѣмъ и каждому. Когда до Н. Г. доходили свѣдѣнія о стѣсненномъ положеніи и нуждахъ литераторовъ, особенно молодыхъ, онъ всегда спѣшилъ къ нимъ на помощь и его агентомъ по этой части была его супруга, Ольга Сократовна. Во многихъ случаяхъ я имѣлъ счастіе и удовольствіе испытать на себѣ дѣйствіе этой стороны характера и натуры Н. Г., изъ нихъ для примѣра я разскажу только о двухъ. Одинъ незначительный, но все таки довольно показательный. Въ то время сознательная интеллигентная молодежь, или на другомъ жаргонѣ мыслящіе реалисты или нигилисты придумали такую моду: зимою не слѣдуетъ носить теплыхъ мѣховыхъ дорогихъ пальто, а нужно ходить въ холодныхъ лѣтнихъ пальто, а шею и грудь окутывать пледомъ, это дескать и гигіенично. Я конечно тоже слѣдовалъ этой модѣ и въ сильнѣйшіе морозы щеголялъ въ холодномъ пальто съ пледомъ. А Н. Г., съ которымъ я только что познакомился, вообразилъ, что я поневолѣ морожу себя, такъ какъ не имѣю средствъ на пріобрѣтеніе теплаго пальто. И вотъ онъ приходитъ ко мнѣ и послѣ какого-то незначительнаго разговора, уходя и какъ бы мимоходомъ говоритъ мнѣ: ахъ, я и забылъ; къ вамъ придетъ портной, который имѣетъ дѣла съ конторой нашего журнала, и сниметъ съ васъ мѣрку для теплаго пальто. Я сейчасъ догадался, въ чемъ дѣло, что контора тутъ приплетена напрасно, и мнѣ стоило большого труда убѣдить его, что я ношу зимой холодное пальто вовсе не по недостатку въ средствахъ, а слѣдуя господствующей модѣ.

Другой случай нѣсколько серьезнѣе. По окончаніи курса въ петербургской духовной академіи начальство назначило меня профессоромъ въ костромскую семинарію; но я наотрѣзъ отказался и потому начальство постановило отправить меня на родину въ распоряженіе мѣстнаго епископа, т. е. въ харьковскую епархію въ распоряженіе архіерея Макарія, извѣстнаго ученаго, бывшаго передъ тѣмъ ректоромъ духовной академіи въ бытность мою тамъ въ низшихъ курсахъ, а впослѣдствіи московскимъ митрополитомъ, — о чемъ и сообщало мнѣ оффиціально, и оффиціально же увѣдомило и Макарія. А я себѣ на умѣ твердо рѣшилъ, что ни за что не поѣду въ Харьковъ и не отдамъ себя въ распоряженіе мѣстнаго епископа, а буду жить въ Питерѣ и писать статейки въ журналы. Такъ и сдѣлалъ. Начальство по неосмотрительности выдало мнѣ на руки мой аттестатъ объ окончаніи курса, вмѣсто того чтобы отправить его Макарію, и вотъ по этому аттестату преспокойно я и жилъ, и въ кварталахъ его прописывали безъ всякихъ возраженій. А преосвященный Макарій, знавшій конечно меня, читая мои статьи въ „Современникѣ", то же рѣшилъ себѣ на умѣ: вотъ я же тебѣ, голубчикъ, устрою сюрпризъ! Прождавши узаконенный срокъ и не дождавшись меня, онъ велѣлъ написать въ харьковское губернское правленіе бумагу, что вотъ-де такой то назначенъ въ распоряженіе епископа, но до сихъ поръ не являлся на службу, не имѣетъ вида на жительство и неизвѣстно гдѣ находится. Губернское правленіе, какъ это слѣдуетъ по существующимъ правиламъ, напечатало въ губернскихъ вѣдомостяхъ соотвѣтствующее объявленіе, что де разыскивается такой-то и всякій, кому онъ извѣ-

стенъ, обязанъ донести начальству. Одинъ харьковскій знакомый прислалъ мнѣ номеръ Вѣдомостей съ этимъ объявленіемъ. Я расхохотался; вотъ дураки, думаю себѣ, разыскиваютъ меня такимъ путемъ, тогда какъ легко могли бы узнать въ редакціи „Современника". Захвативши этотъ курьезный номеръ, я немедленно отправился къ Н. Г. и воображалъ, какъ и онъ будетъ хохотать. Но, къ моему изумленію, онъ не только не расхохотался, но принялъ испуганный видъ и серьезно заговорилъ: да вы чего смѣетесь? да вы знаете, чѣмъ это пахнетъ? вѣдь оказывается, что вы не устроили себя легально, что вы бѣглый бродяга, безпашпортный; я сейчасъ пойду въ кварталъ и заявлю объ васъ и васъ въ 24 часа вышлютъ изъ Петербурга и отправятъ въ Харьковъ даже по этапу, а я то воображалъ, что вы человѣкъ обстоятельный и живете на легальномъ положеніи. Признаюсь, тутъ ужъ я струсилъ, повѣсилъ носъ и Н. Г., замѣтивъ это, перешелъ на успокоительный тонъ и наконецъ рѣшилъ, что за это дѣло нужно приняться поскорѣе и сунуть меня куда нибудь на штатное мѣсто. И вотъ, какъ я узналъ впослѣдствіи, онъ энергично принялся хлопотать, бѣгать, справляться, разыскивая для меня штатное мѣсто. А я въ это самое время и пальцемъ о палецъ не ударилъ и только трусилъ. Оказывается, онъ пробовалъ втиснуть меня въ какой-нибудь кадетскій корпусъ репетиторомъ или чѣмъ-нибудь другимъ, въ университетъ, педагогическій институтъ и медико-хирургическую академію помощникомъ библіотекаря или дѣлопроизводителя, или хоть канцеляристомъ только бы штатнымъ, обращался къ врачамъ, нельзя ли меня сдѣлать какимъ-нибудь надзирателемъ или консультантомъ больничной аптеки, такъ какъ онъ-де знаетъ латинскій языкъ. Но нигдѣ не было удачи. Наконецъ, его знакомые профессора военной академіи посовѣтовали ему обратиться къ ихъ товарищу, профессору Рехневскому. Тогда учреждалась военная эмеритура и онъ назначенъ былъ завѣдывать отдѣломъ эмеритуры при канцеляріи военнаго министерства. Рехневскій сказалъ, что платныхъ мѣстъ у него нѣтъ, а онъ можетъ принять меня только на безплатное мѣсто, но все-таки штатное. Н. Г. торопилъ меня поскорѣе безъ всякихъ раздумій подавать прошеніе на это мѣсто, что я немедленно и сдѣлалъ, былъ принятъ на службу и въ парадной формѣ со шпагой представился высшему начальнику, генералу Кауфману, брату ташкентскаго, который принялъ меня строго и сказалъ, что онъ будетъ давать мнѣ много работы и чтобы я исполнялъ ее добросовѣстно, хотя и не буду получать жалованья. Никакой работы мнѣ не давалось, на службу я не ходилъ и только разъ въ мѣсяцъ ко мнѣ являлся чиновникъ, говорилъ, что я назначенъ дежурнымъ, но онъ будетъ всегда дежурить вмѣсто меня, если я буду давать ему по три рубля за дежурство, на что я съ удовольствіемъ согласился.

Теперь я торжествовалъ: я чиновникъ военнаго министерства и знать не хочу мѣстнаго епископа. Но скоро явилось неожиданное обстоятельство, о которомъ Н. Г. сообщилъ мнѣ не сразу. Инспекторскій департаментъ, разсматривая дѣло о моемъ опредѣленіи, не нашелъ въ немъ увольнительнаго свидѣтельства изъ духовнаго званія и требовалъ досылки его. Новыя хлопоты и заботы для Н. Г., который совѣтовалъ Рехневскому написать въ синодъ бумагу объ увольненіи моемъ и лично въ парадной формѣ и въ регаліяхъ представить синод-

скому оберъ-прокурору. Рехневскій не согласился, но отправилъ бумагу со своимъ помощникомъ. Оберъ-прокуроръ самъ затруднился рѣшить вопросъ и позвалъ подлежащаго директора, который заявилъ, что это дѣло Макарія, что увольненіе зависитъ отъ него и нужно его запросить объ этомъ. И запросили, а онъ отвѣтилъ, что онъ не согласенъ на увольненіе, такъ какъ въ его епархіи очень нужны епархіальные дѣятели съ высшимъ духовнымъ образованіемъ. Получивъ такой сюрпризъ, бѣдный Рехневскій, вѣроятно, былъ очень недоволенъ Н. Г., впутавшимъ его въ это непріятное дѣло. Н. Г. опять совѣтовалъ ему лично отправиться къ оберъ-прокурору, сознаться въ своемъ недосмотрѣ и просить любезной помощи, захвативъ съ собою № „Русскаго Инвалида“, въ которомъ былъ напечатанъ приказъ объ опредѣленіи меня на службу и о производствѣ въ гражданскій чинъ. Рехневскій опять не поѣхалъ самъ, а послалъ чиновника, которому въ синодѣ повторили, что дѣло зависитъ отъ епархіальнаго епископа; но, когда онъ показалъ № „Инвалида“, то оберъ-прокуроръ строго сказалъ своему директору: что вы тутъ толкуете объ епархіальномъ епископѣ, когда есть вотъ приказъ,—развѣ приказъ можетъ ошибаться; напишите отъ моего имени Макарію, чтобы онъ немедленно прислалъ согласіе на увольненіе.—Н. Г., узнавъ объ этомъ, пришелъ ко мнѣ въ обыкновенномъ смѣшливомъ настроеніи, увѣрялъ, что дѣло мое довольно плохо, что мнѣ придется отправиться къ епархіальному епископу и съ хохотомъ рисовалъ картины, какъ меня приметъ и что со мной сдѣлаетъ епископъ, пошлетъ меня за вольнодумныя статьи въ монастырь на покаяніе и послушаніе и ежедневно класть тысячи поклоновъ и т. д. Однако, уходя, онъ успокаивалъ меня, что дѣло, вѣроятно, устроится.—И оно дѣйствительно скоро устроилось; Макарій не захотѣлъ противорѣчить оберъ-прокурору.

Нечего и говорить о томъ, какъ глубоко трогали меня и какую горячую благодарность возбуждали въ моемъ сердцѣ его горячее участіе въ моемъ дѣлѣ, его желаніе, его старанія и усилія помочь мнѣ, не жалѣя никакихъ хлопотъ и не совсѣмъ, можетъ быть, пріятныхъ для него обращеній къ разнымъ лицамъ, близкимъ и неблизкимъ къ нему. Я сохраняю и сохраню до самой смерти благодарную память о Н. Г., величіе нравственныхъ качествъ котораго вполнѣ равнялось величію его ума.

Что Н. Г. должно глубоко уважать, даже преклоняться предъ нимъ за его необычайныя литературныя заслуги, стоившія ему столькихъ мученій и страданій во всю жизнь,—это аксіома для всѣхъ знавшихъ и знающихъ его литературную дѣятельность и самоотверженную преданность высшимъ интересамъ общества и не ставящихъ ему въ вину его порицаемыя нынѣшними писателями утопіи. Но что Н. Г. нужно глубоко любить за его широкое любвеобиліе, за его преданность и готовность служить людямъ и въ области частныхъ бытовыхъ сношеній—это аксіома, къ сожалѣнію, только для близко знавшихъ его. Вотъ Кавелинъ представлялъ діаметральную противоположность Н. Г. въ умственномъ отношеніи, во всѣхъ общихъ воззрѣніяхъ и частныхъ взглядахъ и считалъ его человѣкомъ безпорядочнымъ, брульономъ, и тѣмъ не менѣе, по его словамъ, очень и очень любилъ его. Было, значитъ, за что (апплодисменты).

Предсѣдатель. Слово принадлежитъ Н. Ф. Анненскому.

Изъ воспоминаній о Н. Г. Чернышевскомъ и 60-хъ годахъ.

Н. Ф. Анненскій. Послѣ того, что было сказано, мнѣ остается добавить немного.

Я не имѣю въ виду дать характеристику Чернышевскаго, какъ ученаго, какъ писателя, не буду касаться его и какъ человѣка. Я не имѣлъ счастія лично близко знать его, какъ Максимъ Алексѣевичъ. Я скажу нѣсколько словъ о той общественной обстановкѣ, въ которой Чернышевскому пришлось жить и работать. Могу говорить объ этомъ, какъ человѣкъ, принадлежащій къ тому счастливому поколѣнію, юность котораго совпала съ весной русской жизни, съ эпохой 60-хъ гг. и которое воспиталось политически подъ непосредственнымъ вліяніемъ статей Ник. Гавр. Ч-скаго. Мы обязаны ему болѣе, чѣмъ кому-нибудь другому. Я думаю, что и люди послѣдующихъ поколѣній, мыслящіе и живущіе общественной жизнью, должны нести долгъ свой передъ Ч-скимъ; но въ особенности эта обязанность лежитъ на томъ счастливомъ поколѣніи, которое живо воспринимало его проповѣдь, которое жило въ той же общественной обстановкѣ, что и самъ Ч—ій.

„Шестидесятые годы"—не совсѣмъ точное опредѣленіе; подъ ними подразумѣвается періодъ отъ 55 до 66 года, т. е. съ тѣхъ поръ, когда послѣ неудавшейся Крымской войны Россія сдвинулась съ мѣста, когда съ перемѣной царствованія началась переборка и перестройка, и до тѣхъ поръ, когда, послѣ событій 1866 г. правительственная политика рѣшительно повернулась въ реакціонную сторону. Эти такъ наз. 60-ые годы имѣютъ восходящую и нисходящую линію. Восходящая продолжается приблизительно съ 55 до 61—62 года. Какъ это ни парадоксально, но должно сказать, что переломъ наступилъ, когда эмансипація сдѣлалась фактомъ; послѣ 19 февраля 1861 года восходящая линія переходитъ въ нисходящую. Это парадоксально, ибо все движеніе вѣдь было окрашено крестьянской реформой. Но здѣсь эволюція идей нѣсколько предварила эволюцію фактовъ. Широкое и сильное движеніе въ обществѣ, главнымъ образомъ идейное, началось, какъ только расшатался старый строй, какъ только сдѣлалось очевиднымъ, что онъ осужденъ, что его основной камень—крѣпостное право—не можетъ существовать болѣе. Когда путемъ компромиссовъ, путемъ столкновеній разныхъ общественныхъ силъ, реформа была осуществлена, оказалось, что упованія и чаянія, связанныя съ реформой, далеко не осуществились, что освобожденіе, которое далъ актъ 19 февраля, было только слабымъ подобіемъ того, на что надѣялись, во что вѣрило общество. Вмѣстѣ съ тѣмъ и общественное настроеніе пошло на убыль.

Проповѣдь Николая Гавриловича какъ разъ совпадаетъ съ первой половиной шестидесятыхъ годовъ. Арестъ Чернышевскаго былъ однимъ изъ симптомовъ переходнаго момента. Это былъ такъ сказать пробный шагъ со стороны темныхъ силъ, сначала растерявшихся, а теперь поднявшихъ голову. Оказалось, что проба прошла удачно; — за первымъ шагомъ послѣдовали и другіе...

Толчкомъ къ движенію шестидесятыхъ годовъ послужила Крымская война съ ея „изнанкою". Исторія не повторяется. Но какъ по-

хоже то, что происходило полвѣка назадъ, на трагедію, которую мы только что пережили. Неудача войны, вскрывшаяся наружу ея „изнанка", повальное воровство, ужасающій голодъ, на который была обречена русская армія, полное банкротство во всѣхъ смыслахъ тогдашней правительственной машины,—все это воочію показало, что такъ жить долѣе нельзя, что требуется коренная перестройка и эта перестройка началась. На первыхъ порахъ шла она довольно дружно. Движеніе охватило и объединило и правящія сферы, и всѣ болѣе или менѣе сознательные общественные элементы. Многаго ждали сверху. Вспоминаю двѣ статьи, почти одновременно написанныя. Одна—статья Ал. Ив. Герцена „Ты побѣдилъ, Галилеянинъ!" посвященная Александру II и появившаяся послѣ извѣстнаго рескрипта. Нѣчто подобное говорилъ и Чернышевскій. И онъ думалъ, что царствованію Александра II предстоитъ свершить нѣчто болѣе великое и болѣе прекрасное, чѣмъ то, что было сдѣлано Петромъ Великимъ.

Постепенно въ единомъ сначала движеніи начинается раздѣленіе. На верхахъ поднимаютъ голову представители старыхъ порядковъ, растерявшіеся вначалѣ подъ напоромъ общественнаго движенія и сознанія собственнаго безсилія. Верхніе слои понемногу отстаютъ отъ движенія, а затѣмъ между верхами и низами, между обществомъ и правящими сферами, начинается открытая борьба. Дифференціація идетъ и далѣе, проникая и въ общественные круги. Обнаруживается склонность придавать преувеличенное значеніе разногласіямъ; съ одной стороны, выступаютъ молодые эксцессы, которые неизбѣжны въ каждомъ движеніи. Съ другой—обнаруживается испугъ, желаніе остановить это движеніе, которое, какъ многимъ казалось, шло слишкомъ далеко, желаніе удовлетвориться немногимъ и продать свое первородство за чечевичную похлебку. Правые и лѣвые расходятся все болѣе и болѣе. Но особенно рѣзко это проявляется уже во второй половинѣ періода, когда убывающая волна создавала общій фонъ жизни.

Огромное значеніе для характера и направленія идейнаго движенія шестидесятыхъ годовъ имѣлъ тотъ фактъ, что движеніе это связано было съ паденіемъ крѣпостного права. Въ центрѣ общественнаго вниманія стали вопросы, непосредственно касающіеся интересовъ народной массы, около нихъ сосредоточивались всѣ думы, всѣ чаянія того поколѣнія. Это неизбѣжно придало всему движенію демократическую окраску. Затѣмъ крѣпостное право, дѣйствительно, было центральнымъ фактомъ всей общественной жизни того времени. Это былъ не юридическій только институтъ, не одни хозяйственныя отношенія опредѣлялись имъ. Онъ вліялъ и на общественную психику, на весь строй общественныхъ возрѣній обывателя, на весь его житейскій обиходъ. Когда этотъ устой зашатался, началась перестройка по всему фронту, началась переоцѣнка всѣхъ цѣнностей. Позднѣйшія общественныя движенія отличались быть можетъ большею глубиной и интенсивностью,—но по *широтѣ захвата* едва какое-либо другое идейное теченіе можетъ стать рядомъ съ тѣмъ, которое характеризуетъ шестидесятые годы. Тогда все было взято подъ сомнѣніе. Такіе критическіе періоды можно наблюдать и въ индивидуальной жизни человѣка, когда что-нибудь выбьетъ его изъ непосредственнаго суще-

ствованія, изъ того существованія, когда принимается все на вѣру. Начинается критическая эпоха, начинается пересмотръ всѣхъ взглядовъ, всего, чѣмъ человѣкъ жилъ до того времени. Нѣчто подобное совершалось въ обществѣ шестидесятыхъ годовъ. Все традиціонно существовавшее и принимавшееся ранѣе безъ критики пошло въ переборку. Все, — начиная съ теоретическихъ вершинъ, съ религіозныхъ воззрѣній, основъ государственнаго и общественнаго строя,—вплоть до житейскихъ обычаевъ, до костюма и прически волосъ. Вы слышали сейчасъ отъ М. А. Антоновича, что въ то время считалось, что новый человѣкъ долженъ ходить зимой въ лѣтнемъ пальто. Во всѣхъ этихъ мелочахъ есть свой комизмъ, но не только комизмъ. Вспомните, что говоритъ хотя бы такой консервативный мыслитель, какъ Гербертъ Спенсеръ въ своей статьѣ „Обычаи и приличія“ о значеніи этихъ маленькихъ революцій въ костюмахъ и прическахъ.

Представьте теперь, что эта большая и сложная задача общей переоцѣнки выпадаетъ на долю общества, совершенно къ ней неподготовленнаго, общества, въ которомъ настоящая интеллигенція составляла небольшую горсточку. Получилось движеніе широкое, сильное, жизнерадостное,—но очень пестрое. Разные общественные круги въ разной мѣрѣ имъ были захвачены: разные круги на разномъ и останавливались: были такіе, которые дальше реформы костюма ничего не видѣли; были другіе, которые останавливались на вопросахъ личной жизни. Вѣдь половой вопросъ игралъ и тогда большую роль. Нужно замѣтить впрочемъ, что одни и тѣ же явленія при восходящей и падающей волнѣ общественнаго настроенія носятъ на себѣ далеко не одинаковый характеръ. И молодые эксцессы того времени нельзя отожествлять съ тѣмъ, что мы видѣли позже, когда всплыла вверхъ реакціонная муть. Но какъ бы то ни было рядомъ съ глубокими теченіями были и поверхностныя, рядомъ съ здоровымъ — уродливыя и болѣзненныя.

Огромную роль въ ту эпоху пришлось сыграть русской литературѣ и въ частности русской журналистикѣ; никогда ихъ вліяніе не было такъ сильно, какъ тогда, и никогда онѣ не были такъ нужны какъ тогда. Вѣдь тогда кромѣ литературы другой арены для публичной борьбы мнѣній не было. Въ литературѣ сосредоточилось все. И нужно сказать, что литература того времени стояла на высотѣ положенія. И великое счастье, что въ центрѣ этой литературы была такая личность, какъ Ник. Гавр. Чернышевскій. Я не буду повторять здѣсь того, что было уже сказано о большомъ умѣ, нравственной силѣ, характерѣ Чернышевскаго. Я укажу только на одну еще черту—на великую разносторонность Чернышевскаго, на ту широту, которая рѣдко кому выпадаетъ на долю. Я не могу назвать другого литератора, который, какъ Чернышевскій, былъ бы и литературнымъ критикомъ и публицистомъ и беллетристомъ и глубокимъ экономистомъ. Чернышевскій былъ экономистъ, который, какъ сказалъ г. Туганъ-Барановскій, сдѣлалъ большой вкладъ въ русскую экономическую науку. Но вѣдь этотъ экономистъ, по воспитанію своему филологъ; Н. Г. былъ однимъ изъ учениковъ Срезневскаго (для котораго составилъ „Словарь къ Ипатьевской лѣтописи“). Срезневскій—былъ требовательный филологъ; онъ чрезвычайно строго относился

къ своей наукѣ и требовалъ отъ работающихъ въ этой области прежде всего самаго тщательнаго фактическаго изученія предмета. И если Чернышевскій его удовлетворялъ, то, значитъ, онъ работалъ много. Рядомъ съ этимъ Чернышевскій былъ публицистъ, писавшій по вопросамъ, тоже требовавшимъ фактическихъ свѣдѣній совсѣмъ въ другихъ областяхъ. Вспомните хотя бы его работы по крестьянскому вопросу.— Дѣйствительно, захватъ у Чернышевскаго былъ такой широкій, какой мы рѣдко встрѣчаемъ. И притомъ все, что онъ писалъ, складывалось въ одну цѣльную стройную систему воззрѣній, крѣпко спаянныхъ между собою и проникнутыхъ однимъ общимъ направленіемъ, связывавшимъ и общефилософскія концепціи и злобы дня текущей дѣйствительности. Чернышевскій говорилъ, что его мечтой было сдѣлаться Аристотелемъ для позднѣйшихъ поколѣній. Не знаю, насколько могла бы осуществиться такая мечта, но для своего времени, для своего поколѣнія Чернышевскій несомнѣнно былъ великимъ „учителемъ жизни“ въ настоящемъ смыслѣ слова. Онъ не давалъ обществу успокоиться, удовлетвориться мелочами. Самому себѣ ставилъ онъ высокія требованія и старался поднять до нихъ и другихъ. И читатели—въ особенности молодежь того времени—съ жадностью ловили каждое его слово. Не думаю, чтобы когда-нибудь послѣ связь между читателемъ и писателемъ была такъ тѣсна и близка, какъ въ то время.

Конечно теперь, чрезъ полвѣка, бросая ретроспектровный взглядъ на ту раннюю пору развитія нашей общественной мысли, не трудно обнаружить существенные дефекты въ системѣ, которая казалась тогда такою обоснованною и такою стройною. Не трудно видѣть также, что эта стройность покупалась порой цѣной чрезмѣрнаго упрощенія проблемъ большой сложности. И жизнь, и мысль общества не стояли вѣдь на мѣстѣ. Не говоря уже объ эстетическихъ и нѣкоторыхъ литературныхъ воззрѣніяхъ Чернышевскаго, на которыя много вліяла злоба дня, далеко уже отъ насъ отодвинувшагося, и его философскій матеріализмъ, такъ же, какъ и теорія разумнаго эгоизма, какъ основа морали для насъ давно перейденный Standpunkt. Много сложнѣе, чѣмъ автору „Іюльской монархіи“ и „Борьбы партій во Франціи“ представляются намъ и соотношенія между политическими и экономическими фактами. Наконецъ, и въ самой разработанной части ученія Чернышевскаго, въ его экономическихъ трактатахъ, для насъ теперь положительная часть далеко не равноцѣнна съ критической. Глубокая критика хозяйственнаго строя, основаннаго на трехчленномъ дѣленіи продукта и системѣ соперничества (какъ характеризуетъ Чернышевскій капиталистическое хозяйство) сохраняетъ свое значеніе и донынѣ, въ то время, какъ надежды, возлагавшіяся Чернышевскимъ на производительныя ассоціаціи, какъ могущественное орудіе для перехода къ новому строю отношеній, давно уже разбиты самымъ ходомъ жизни.

Но какъ бы ни были значительны тѣ поправки—и по существу, и по отношенію къ пріемамъ и методамъ аргументаціи, какія мы могли бы сдѣлать къ построеніямъ радикальной журнальной журналистики шестидесятыхъ годовъ и Чернышевскаго въ частности,—это нисколько не лишаетъ эти построенія ихъ огромнаго историческаго значенія для своего времени. И не только для своего времени. Въ общемъ и цѣломъ уже тогда поставлены были тѣ крупныя вѣхи, по ко-

торымъ шла далѣе въ своемъ развитіи общественная мысль, сдѣланы были прочныя зарубки, надолго опредѣлившія собою общій обликъ передовой русской интеллигенціи. Философскія концепціи, горячо защищавшіяся Чернышевскимъ и его единомышленниками, остались для насъ уже далеко позади,— но то центральное мѣсто, на которое имъ выдвинута человѣческая личность, ярко выраженное тяготѣніе его къ „человѣческому", только человѣческому и — если можно такъ выразиться—отталкиваніе отъ всего „внѣчеловѣческаго" и „надъ-человѣческаго"—все это безспорно характерно и для позднѣйшихъ поколѣній русской интеллигенціи и ея идеологовъ. Точно также не менѣе характерна для этой интеллигенціи и глубокая складка *общественности*, прочно заложенная въ ея міросозерцаніи. Въ шестидесятыхъ годахъ эти общественныя тенденціи принимали порой формы нѣсколько уродливыя, но зерно ихъ было несомнѣнно здоровое. На позднѣйшихъ этапахъ эволюціи общественной мысли мы можетъ отмѣтить уклоненія, также нерѣдко уродливыя—въ противоположную сторону, но эти уклоненія всегда были только временныя, и въ общемъ, а соціальныя и антисоціальныя тенденціи никогда не прививались прочно къ русской интеллигенціи ни въ одной изъ областей ея духовной жизни. Крѣпко вросъ въ общественное сознаніе и *демократизмъ* шестидесятыхъ годовъ, красною нитью проходящій чрезъ все наше общественное движеніе. У Чернышевскаго демократическія воззрѣнія отлились въ форму опредѣленной *соціалистической* системы. Несомнѣнно онъ былъ однимъ изъ основоположниковъ русскаго соціализма.

Намъ говорятъ, что соціализмъ Чернышевскаго не научный, а утопическій. Грѣшный человѣкъ, я вообще плохо понимаю эту антитезу: научный соціализмъ — утопическій соціализмъ. А по отношенію къ Чернышевскому въ особенности. Марксъ назвалъ Чернышевскаго великимъ русскимъ ученымъ и критикомъ. Но система его, все-таки, оказывается „не научна". Это напоминаетъ мнѣ недоумѣніе Герцена по поводу одного оффиціальнаго документа, въ которомъ говорилось о „неосужденномъ государственномъ преступникѣ" Кельсіевѣ. Герценъ спрашивалъ: если Кельсіевъ не осужденъ, то почему онъ государственный преступникъ, а если онъ государственный преступникъ, то почему онъ не осужденъ? Подобные же вопросы возникаютъ и въ данномъ случаѣ. Если Чернышевскій „великій ученый", то какимъ образомъ его система не научна? Если же его система дѣствительно не научна, то почему онъ великій ученый?

Мы видѣли чѣмъ былъ Чернышевскій въ той идейной революціи, которая заполнила собою шестидесятые годы. Но общественное движеніе шло не только въ области идей. Перестраивалась и самая жизнь. Рядомъ съ выработкою общественныхъ идеаловъ шли и попытки ихъ осуществленія въ дѣйствительности, Чернышевскій не могъ остаться безучастнымъ и къ этой сторонѣ общественнаго движенія. И если гдѣ нибудь онъ былъ утопистомъ, то именно здѣсь. Есть такіе моменты въ общественной жизни, когда такой утопизмъ неизбѣженъ; неизбѣженъ и необходимъ широкій захватъ, великія дерзанія. И также неизбѣжно и крушеніе этихъ дерзаній. Въ этомъ узелъ трагическихъ коллизій. Такую трагедію пережилъ и Чернышевскій. Онъ ясно видѣлъ всѣ больныя стороны окружавшей его русской дѣйстви-

тельности. Видѣлъ и сознавалъ, что выходомъ изъ положенія не могли быть палліативы, которымъ склонно было удовлетворяться большинство тогдашнихъ либеральныхъ круговъ. Но гдѣ же были силы, которыя могли выполнить тѣ радикальныя измѣненія, которыя представлялись необходимыми въ глазахъ Чернышевскаго? Въ правительствѣ онъ давно извѣрился, не вѣрилъ онъ и русскимъ либераламъ. Только небольшая горсть настоящей интеллигенціи, „новые люди", какъ ихъ онъ называлъ, могла явиться ферментомъ движенія, и только активное участіе самихъ народныхъ массъ, „простолюдиновъ" по терминологіи Чернышевскаго, могло обезпечить успѣхъ этого движенія. Чернышевскій по природѣ своей былъ скептикъ, человѣкъ несклонный къ обольщенію себя иллюзіями. Онъ хорошо сознавалъ слабость силъ, на которыхъ опиралось движеніе. Но это его не останавливало въ томъ, что онъ считалъ необходимымъ и *должнымъ*.

Я уже сказалъ, что я лично не зналъ Чернышевскаго. Но мнѣ удалось нѣсколько разъ видѣть его. Запечатлѣлся у меня особенно одинъ моментъ. Вижу я, какъ сейчасъ, похороны Добролюбова. На Волковомъ кладбищѣ небольшая кучка интеллигенціи — писателей и молодежи. Надъ могилой, куда только что опустили гробъ, Чернышевскій читаетъ отрывки изъ дневника и стихи Добролюбова. Твердо звучитъ его голосъ:

Но знаю я, — забота наша
Ужъ пилигримовъ новыхъ ждетъ
И не минетъ святая чаша
Всѣхъ, кто ее не оттолкнетъ.

Онъ зналъ, что *его* эта чаша уже ждетъ и онъ не молился, чтобы она его миновала. Онъ зналъ, на что шелъ и шелъ твердо и безъ колебаній.

Мы преклоняемся предъ величіемъ этой личной трагедіи писателя. И не только личная эта трагедія. Это трагедія русской общественной жизни.

Въ томъ періодѣ, въ какомъ она и теперь находится — неизбѣжны такія трагическія коллизіи. Мы только что пережили одну изъ нихъ. Пережили еще одно пораженіе, еще одно крушеніе вспыхнувшихъ надеждъ. Но если вѣренъ избранный путь, то пораженіе страшно только тогда, когда оно сопряжено съ упадкомъ духа, съ паденіемъ вѣры въ дѣло, за которое идетъ борьба. Иначе это только этапъ борьбы. Великіе результаты не получаются цѣной малыхъ усилій.

И особенно дорога намъ въ подобные моменты личность такого борца, какимъ былъ Чернышевскій, человѣкъ долга, который твердо несъ свое знамя съ неуклонною рѣшимостью дѣлать то, что считалъ должнымъ дѣлать, не смотря на то, будетъ ли успѣхъ или нѣтъ.

Близокъ онъ намъ остался, не смотря на полвѣка, насъ раздѣляющіе, и близокъ и дорогъ *всѣми* сторонами своей дѣятельности. *(Апплодисменты).*

Рѣчь А. С. Посникова.

А. С. Посниковъ. Я долженъ извиниться передъ собраніемъ, что задержу его на нѣсколько минутъ, но считаю это необходимымъ, такъ

какъ въ сообщеніяхъ, весьма интересныхъ, которыя мы прослушали здѣсь, мнѣ казалось, не было сказано очень существеннаго и не было дано отвѣта на важнѣйшій вопросъ, затронутый въ самихъ сообщеніяхъ. Характеризуя Н. Г. Чернышевскаго, какъ писателя-экономиста, М. И. Туганъ-Барановскій остановился подробно на разборѣ нѣкоторыхъ изъ извѣстныхъ произведеній автора и коснулся лишь вскользь очень важнаго труда его, имѣющаго рѣшающее значеніе въ вопросѣ о роли покойнаго Чернышевскаго въ экономической наукѣ. Я разумѣю его переводъ сочиненія Дж. С. Милля: „Основанія политической экономіи“, который онъ сопроводилъ своими примѣчаніями. Прежде всего, нужно вспомнить время, когда началъ появляться переводъ, и то крайне невысокое положеніе, которое занимала политическая экономія тогда въ системѣ университетскаго преподаванія. О широтѣ и солидности экономическихъ свѣдѣній, распространенныхъ въ тогдашнемъ нашемъ обществѣ, можно судить уже по одному тому факту, что торжественное импортированіе какого-нибудь де-Молинари и устройство публичныхъ лекцій его въ Москвѣ считалось среди наиболѣе культурныхъ слоевъ событіемъ, чрезвычайно выдающимся, въ высокой степени поучительнымъ. И вотъ, въ это время и въ этой средѣ, вполнѣ удовлетворявшейся горизонтами „Экономическаго указателя“ Вернадскаго, появляется переводъ „Политической экономіи“ Милля, съ примѣчаніями Чернышевскаго. Намъ говорятъ, его комментаріи постепенно утрачиваютъ свое значеніе и блѣднѣютъ. Въ извѣстномъ смыслѣ это вполнѣ естественно. Но, безспорно, и теперь отнюдь не потеряли своего значенія такія главы изъ „дополненій“, какъ „Выгодное и убыточное для общества производство и потребленіе“ и „О непріятности труда“, а также замѣчанія о „Цѣнности и стоимости производства“. Есть, однако, кромѣ того, еще нѣчто, что, несомнѣнно, не умерло и не умретъ въ этомъ изданіи, именно въ тѣхъ примѣчаніяхъ, которыми снабдилъ переводчикъ книгу Милля.

Для того, чтобы опредѣлить научную цѣнность какого-либо автора, необходимо уяснить себѣ, что составляетъ наиболѣе существенное, наиболѣе важное, для самой науки. Несомнѣнно, самымъ главнымъ въ этомъ отношеніи должно быть признано строгое опредѣленіе области изслѣдованія данной науки, ясное отграниченіе ее отъ родственныхъ отраслей знанія и точное установленіе пути, по которому должно идти изслѣдованіе, иначе, говоря,—установленіе правильнаго метода. Независимо отъ того или иного взгляда на достоинство отдѣльныхъ комментарій Чернышевскаго, достаточно знакомства съ одной главой—„Гипотетическій методъ изслѣдованія“, чтобы признать высокое значеніе высказанныхъ имъ мыслей. Наша публика знакомилась со взглядами автора этой главы въ то время, когда во Франціи были въ большомъ почетѣ, пожалуй даже господствовали, „Harmonies économiques“ Бастіа, а въ Германіи на университетскихъ каѳедрахъ выдѣлялись преимущественно представители исторической школы, и гдѣ еще едва слышались голоса Родбертуса и Маркса. Сомнѣніе въ безупречности господствующаго въ университетахъ направленія зародилось позднѣе, а въ частности вопросъ о методѣ изслѣдованія экономическихъ явленій начинаетъ привлекать вниманіе нѣмецкихъ ученыхъ съ особенной силой лишь съ 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія. По поводу сравнительныхъ достоинствъ

пріемовъ изслѣдованій возникаетъ, именно, ожесточенный и поучительный споръ между представителями германской науки только съ 1883 г. со времени выхода въ свѣтъ „Untersuchungen über die Methode der Sozialwissenschaften und der Politischen Oekonomie insbesondere“ проф. Карла Менгера. Споръ закончился въ пользу Менгера, который въ своемъ отвѣтѣ проф. Шмоллеру—Die Irrtümer des Historismus in der deutschen Nationalökonomie—доказалъ полную несостоятельность такъ наз. „историческаго метода“. Его точку зрѣнія на методъ раздѣляютъ нынѣ въ Германіи, кромѣ послѣдователей классической школы и К. Маркса, также многочисленные поклонники такъ наз. „австрійской школы“. Всѣ они въ вопросѣ о методѣ слѣдуютъ примѣру писателей классической школы и согласны въ общемъ съ тѣмъ, что было формулировано по данному вопросу Дж. С. Миллемъ, проф. Кэрнс'омъ, фроф. Кэйнс'омъ и др. Этой же точки зрѣнія придерживается и большинство нашихъ экономистовъ.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, то, что было высказано Чернышевскимъ въ главѣ „Гипотетическій методъ“—нуждается въ болѣе подробномъ развитіи и въ такихъ оговоркахъ, которыя даны, напримѣръ, проф. Сиджвик'омъ (Henry Sidgwick) въ посмертномъ изданіи его Principles of Political Economy. Для большей ясности, конечно, слѣдовало бы указать на тѣ отдѣлы политической экономіи, гдѣ необходимо примѣненіе пріема гипотетическаго и на тѣ части ея, гдѣ, наоборотъ, успѣхъ изслѣдованія требуетъ руководства инымъ методомъ. Можетъ быть, позволительно замѣтить также, что Чернышевскій, какъ многіе и многіе изъ послѣдующихъ писателей, не вошелъ въ подробное разсмотрѣніе всего значенія того homo economicus, который такъ превосходно охарактеризованъ Бэджготомъ (Walter Bagehot) въ его The postulates of english Political Economy. Но, если бы и было возможно высказывать подобныя замѣчанія, остается все же несомнѣннымъ, что Н. Г. Чернышевскій указалъ на правильный методъ въ области теоретической экономіи и рекомендовалъ русской публикѣ 60-хъ годовъ произведеніе автора, отстаивавшаго этотъ методъ, наиболѣе извѣстнаго въ въ то время популяризатора ученія англійской классической школы (*апплодисменты*).

Предсѣдатель закрываетъ собраніе.

Чернышевскій и крестьянская реформа.

(Докладъ *А. А. Корнилова* [1]).

Чествованіе Чернышевскаго было такъ недавно, что, я думаю, біографическія данныя о его жизни у всѣхъ еще свѣжи въ памяти. Поэтому я не буду на нихъ подробно останавливаться, а напомню лишь, что Николай Гавриловичъ былъ городской житель, воспитывался сначала дома, въ семьѣ отца, бывшаго протоіереемъ въ Саратовѣ, затѣмъ въ саратовской семинаріи и, наконецъ, въ петербургскомъ университетѣ, и слѣдовательно въ дни своего дѣтства и юности непосредственно и, такъ сказать, практически не соприкасался ни съ крестьянами, ни съ крестьянскимъ вопросомъ, ни съ сельско-хозяйственными отношеніями. Въ университетѣ онъ былъ на филологическомъ факультетѣ и занимался, главнымъ образомъ вопросами философіи, эстетики и литературы. Конечно, какъ человѣкъ живой и разносторонній, къ тому же поклонникъ Бѣлинскаго и приверженецъ идей, проповѣдовавшихся въ сороковыхъ годахъ въ „Отечественныхъ Запискахъ", а затѣмъ въ „Современникѣ", онъ не могъ быть чуждъ нуждамъ и интересамъ народа и, разумѣется, не былъ равнодушенъ къ судьбамъ крѣпостныхъ крестьянъ постольку, поскольку вопросъ этотъ волновалъ тогда всѣхъ передовыхъ людей русскаго общества. Но спеціально ни этимъ вопросомъ, ни вообще экономическими вопросами онъ въ то время не занимался. Ставъ съ 1854 г. однимъ изъ постоянныхъ сотрудниковъ „Современника", онъ писалъ въ немъ статьи главнымъ образомъ въ отдѣлѣ критики и библіографіи, и крестьянскаго вопроса и тутъ не касался. Послѣ крымской кампаніи, когда началось въ Россіи всеобщее оживленіе, оживилась и литературная дѣятельность Н. Г. Чернышевскаго, и статьи, писавшіяся имъ тогда въ „Современникѣ", пріобрѣли вскорѣ большое общественное значеніе. Хотя крестьянскій вопросъ былъ въ это время у всѣхъ уже на умѣ и на языкѣ, но обсуждать его въ печати еще не дозволялось. О немъ возможно было упоминать лишь иносказательно. Николаевское царствованіе и эпоха гнета, развившаяся до своего апогея въ послѣдніе годы передъ крымской войной, была отжита безвозвратно. Наступила новая эра всеобщаго пробужденія, обновле-

---

[1]) Докладъ прочитанъ въ засѣданіи III Отдѣленія 29 ноября 1909 года.

нія, „преображенія всей жизни“, по выраженію поэта, и, несмотря на то, что далеко еще не всѣ стѣсненія въ общественной жизни и въ особенности въ печати были устранены, въ обществѣ господствовало необыкновенно розовое, жизнерадостное и оптимистическое настроеніе. Всѣ надежды возлагались на молодого царя, который дѣйствительно серьезно и глубоко созналъ въ этотъ моментъ необходимость коренныхъ преобразованій всего общественнаго и правительственнаго строя. Между всѣми передовыми выразителями общественной мысли существовало въ это время полное единодушіе, и Чернышевскій охотно протягивалъ руку для совмѣстной и единомышленной дѣятельности и славянофиламъ, и только что основанному „Русскому Вѣстнику“ Каткова и Леонтьева, и своимъ петербургскимъ собратамъ – „Отечественнымъ Записками“ Дудышкина и „Библіотекѣ для чтенія“, переходившей въ это время къ Дружинину. Около „Современника“ сгруппировались тогда лучшіе писатели-беллетристы, воспитанные на идеяхъ сороковыхъ годовъ и бывшіе почитателями Бѣлинскаго, имя котораго только что было разрѣшено вновь упоминать въ печати. Программа, которую въ это время выставлялъ Чернышевскій, протягивая дружественную руку славянофиламъ „Русской Бесѣды“ для совмѣстнаго отстаиванія этой программы, была чрезвычайно скромна. „Въ самомъ дѣлѣ, — писалъ онъ, — чего хотимъ мы всѣ? Увеличенія числа учащихся и выучивающихся; усиленія научной и литературной дѣятельности; проложенія желѣзныхъ дорогъ; разумнаго распредѣленія экономическихъ силъ и т. д.“. Подъ „разумнымъ распредѣленіемъ экономическихъ силъ“ и разумѣлось въ то время упраздненіе крѣпостного права. „Согласіе въ сущности стремленій такъ сильно, — писалъ онъ тамъ же, — что споръ возможенъ только объ отвлеченныхъ, а потому туманныхъ вопросахъ. Какъ только рѣчь переносится на твердую почву дѣйствительности, касается чего-нибудь практическаго въ наукѣ или жизни, коренному разногласію нѣтъ мѣста; возможны только случайныя ошибки съ той или другой стороны, отъ которыхъ и та и другая сторона съ радостью откажется, какъ только кѣмъ-нибудь изъ чьихъ бы то ни было рядовъ будетъ высказано болѣе здравое рѣшеніе, потому что тутъ нѣтъ разъединенія между образованными русскими людьми: всѣ хотятъ одного и того же“. Такъ писалъ Чернышевскій въ маѣ 1856 года. Въ слѣдующемъ году, положимъ, не съ славянофилами, а съ западниками, у Чернышевскаго оказался уже предметъ для жгучаго спора.

Неудачи войны обнаружили прежде всего нашу боевую неподготовленность, обусловленную некультурностью нашей страны, выражавшейся и въ отсталости вооруженія арміи, и въ печальномъ состояніи военнаго хозяйства, и въ отсутствіи удобныхъ и скорыхъ путей сообщенія—до такой степени, что враги, высадившіеся на нашей территоріи, могли съ большими удобствами и быстротою снабжать свои арміи провіантомъ и боевыми припасами, нежели мы, русскіе, у себя дома. Тутъ-то и сказалось всего ярче отсутствіе въ нашей странѣ развитой промышленности и торговли, а въ связи съ этимъ и сколько-нибудь удобныхъ путей сообщенія. Наши финансы также оказались въ концѣ-концовъ въ плачевномъ состояніи, и военныя издержки пришлось, за отсутствіемъ кре-

дита, покрывать выпускомъ бумажныхъ денегъ, а это вскорѣ произвело кризисъ, отъ котораго Россія не могла оправиться потомъ многіе годы. Наконецъ, обнаружилась изумительная нищета пртвительства въ духовномъ отношеніи, вслѣдстіе полнаго разобщенія его съ умственными и моральными силами страны. Все это доказывало полную несостоятельность существовавшаго тогда общественнаго и административнаго строя и настоятельную необходимость коренныхъ преобразованій. Всѣ понимали однако,—одни болѣе или менѣе смутно, другіе яснѣе,—что ни серьезное преобразованіе государственнаго хозяйства, ни быстрое развитіе прамышленности и торговли не были возможны при наличности крѣпостного права, которое было въ тогдашней Россіи основаніемъ всего ея общественнаго строя. Матеріальныя условія, неизбѣжно требовавшія измѣненія этого строя, въ ряду которыхъ самымъ основнымъ было уплотненіе населенія, сложились еще въ первой половинѣ XIX вѣка, и нельзя сказать, чтобы правительство Николая вовсе не чувствовало этого, но съ тѣхъ поръ, какъ въ 1848 г. оно вступило, изъ страха передъ возможностью будущей революціи, на путь крайней реакціи, всякая рѣчь объ отмѣнѣ крѣпостного права или даже частичномъ его облегченіи считалась недопустимой и крамольной. Впрочемъ, во время крымской войны необходимость отмѣны крѣпостного права выяснилась и съ другой стороны, независимо отъ общихъ матеріальныхъ условій и требованій экономической жизни страны. Созывъ народныхъ ополченій 1854 и 1855 гг., безъ котораго правительство обойтись не могло, и нужда въ которомъ еще болѣе усилилась бы, если бы война сколько-нибудь продолжилась, доказалъ, что, при наличности крѣпостного права, правительство не могло обращаться въ Россіи „безъ страха къ подъему народной массы“,—употребляя выраженіе Самарина. Ибо такое обращеніе легко могло вызвать среди этой массы волненія, съ которыми трудно было справиться, тѣмъ болѣе, что эти волненія, обратившіяся въ 1855 году противъ помѣщиковъ и мѣстныхъ полицейскихъ властей, развивались на почвѣ того самаго горячаго патріотическаго возбужденія, которое само по себѣ было въ высшей степени необходимо для борьбы съ внѣшнимъ врагомъ. Двусмысленное положеніе, въ которомъ оказалось правительство, когда ему пришлось усмирять при помощи регулярныхъ войскъ эти патріотически-настроенныя народныя ополченія, созванныя въ трудную для государства минуту, тоже составили непослѣдній аргументъ въ пользу скорѣйшей ликвидаціи крѣпостного права.

Но правительство первоначально принялось за разсмотрѣніе и обсужденіе этихъ вопросовъ келейно, и печати долго не позволялось касаться этихъ опасныхъ предметовъ. А такъ какъ крестьянскій вопросъ не могъ въ то время не интересовать всѣхъ и каждаго живѣйшимъ образомъ, то журналы, не имѣя возможности говорить о предстоящей реформѣ, затрагивали такіе вопросы, которые имѣли или могли имѣть болѣе или менѣе близкое отношеніе къ судьбѣ крѣпостныхъ крестьянъ. Въ числѣ такихъ вопросовъ однимъ изъ наиболѣе жгучихъ оказался вопросъ, выдвинутый въ 1857 г. Чернышевскимъ, — объ общинномъ землевладѣніи.

Еще въ „Замѣткѣ о журналахъ“, помѣщенной въ № 5 „Современника“ за 1857 г. Чернышевскій выступилъ съ похвалами славянофиламъ и въ особенности Самарину за то, что они являются сторонниками об-

щиннаго землевладѣнія, существующаго въ Россіи, и обрушился на тѣхъ буржуазныхъ западниковъ, въ особенности экономистовъ манчестерской школы, которые безъ разбору расхваливаютъ всѣ порядки, существующіе во Франціи или въ Англіи, и въ частности процвѣтающій тамъ экономическій строй, основанный на развитомъ капитализмѣ. Въ той же замѣткѣ онъ подвергъ рѣзкому разбору напечатанную въ „Экономическомъ Указателѣ“ И. В. Вернадскаго статью Струкова „Опытъ изложенія главнѣйшихъ условій успѣшнаго сельскаго хозяйства“, въ которой авторъ заявлялъ себя сторонникомъ фермерскаго хозяйства и нападалъ на „общественное пользованіе землей“, какъ на одинъ изъ вреднѣйшихъ тормозовъ для сельско-хозяйственнаго прогресса. Разобравъ главнымъ образомъ именно эту часть статьи Струкова, Чернышевскій выставилъ въ заключеніе въ защиту общиннаго землевладѣнія рядъ соображеній, облеченный имъ въ форму тезисовъ, и предложилъ „Экономическому Указателю“ высказаться категорически за или противъ этихъ положеній. Тезисы эти были слѣдующіе:

1. „Принципъ общиннаго пользованія землею самъ по себѣ не можетъ быть признанъ несовмѣстнымъ съ успѣхами сельскаго хозяйства.

2. „Напротивъ, по достиженіи государствомъ извѣстной степени экономическаго развитія, опредѣленной сильнымъ развитіемъ торговли и устройствомъ улучшенныхъ путей сообщенія (пароходства и желѣзныхъ дорогъ), общинное пользованіе землею представляется единственнымъ средствомъ избавить огромное большинство земледѣльческаго населенія отъ бѣдствій, соединенныхъ съ батрачествомъ и нищетою, необходимымъ слѣдствіемъ батрачества.

3. „Англія и Франція вступили уже въ этотъ періодъ.

4. „Даже и въ предшествующее время, когда при слабомъ развитіи торговли и путей сообщенія дѣйствія закона безграничной конкуренціи не были еще такъ ощутительны, мнимыя неудобства общиннаго пользованія землею для усиленія производства далеко перевѣшиваются выгодными слѣдствіями общиннаго пользованія для благосостоянія массы земледѣльческаго населенія.

5. „Потому и въ настоящее время благо государства, тождественное съ благомъ большинства земледѣльческаго населенія, требуетъ сохраненія общиннаго пользованія землей.

6. „Всѣ возраженія противъ общиннаго пользованія землею не касаются его принципа, а относятся только къ одному изъ способовъ этого пользованія (ежегодному передѣлу земель) и легко устраняются при другихъ способахъ, между прочимъ, при передѣлѣ на продолжительные сроки съ вознагражденіемъ, отъ общины прежняго обрабатывателя за улучшеніе земли, если по передѣлу участокъ или клинъ участка переходитъ къ другому члену общины“.

„Мы согласны,—прибавлялъ Чернышевскій,—считать всю систему опровергнутою, если будетъ научными доказательствами опровергнуто хотя одно изъ составляющихъ ее положеній“ [1]).

Въ этихъ знаменитыхъ пунктахъ впервые были выставлены въ сжатомъ видѣ тѣ аргументы въ пользу общины и тѣ опроверженія выставляемыхъ обыкновенно противъ нее нападковъ, которые позднѣе

[1]) Перепечатано въ „Замѣткахъ о литературѣ“. Изд. 1894 г., стр. 242.

и самъ Чернышевскій развивалъ въ цѣломъ рядѣ публицистическихъ и полемическихъ статей въ „Современникѣ“ конца 50-хъ гг. и другіе писатели и ученые развивали и доказывали научными трактами и изслѣдованіями вплоть до нашихъ дней.

„Экономическій Указатель“ поднялъ брошенную ему перчатку и пытался въ рядѣ довольно рѣзко написанныхъ статей, за подписью самого редактора, опровергнуть выставленные Чернышевскимъ тезисы и приведенные имъ въ защиту ихъ доводы [1]).

Прежде чѣмъ эти статьи И. В. Вернадскаго были окончены въ его „Указателѣ“, Чернышевскій выступилъ въ „Современникѣ“ (№ 7 за 1857 г). съ новой обстоятельной апологіей общиннаго землевладѣнія въ статьѣ, посвященной на этотъ разъ извѣстной книгѣ барона *Гакстгаузена* „Studien über die innern Zustände, das Volksleben und insbesondere die ländlichen Einrichtungen Russlands“, при чемъ попутно онъ разобралъ и другую извѣстную книгу „Etudes sur les forces productives de la Russie“ *Тенгоборскаго*, которую Вернадскій издавалъ въ это время въ переводѣ на русскій языкъ и рекомендовалъ читателямъ „Экономическаго Указателя“.

Эта статья Чернышевскаго является образцомъ публицистической статьи, дающей, подъ видомъ критическаго разбора отдѣльной книги, гораздо больше, чѣмъ можно ожидать по ея скромному заголовку. Очертивъ въ началѣ статьи яркими штрихами тотъ экономическій переворотъ, который начался въ Россіи тотчасъ послѣ крымской кампаніи, Чернышевскій указываетъ, ловко обходя цензурныя запрещенія, что переворотъ этотъ не можетъ не вызвать коренного и благодѣтельнаго измѣненія въ положеніи у насъ земледѣльческаго хозяйства и въ судьбѣ самихъ земледѣльцевъ и затѣмъ отмѣчаетъ, что хотя всѣ образованные люди одинаково признаютъ „неизбѣжность и благотворность великихъ измѣненій, ожидаемыхъ этою отраслью нашего производства“, но не всѣ они одинаково отвѣчаютъ на вопросъ, слѣдуетъ ли при этомъ измѣненіи оставить неприкосновеннымъ „тотъ принципъ, по которому раздѣляется нынѣ пользованіе землею между нашими земледѣльцами“. Упоминая по этому поводу о статьяхъ, съ которыми уже выступилъ въ это время „Экономическій Указатель“ противъ выставленныхъ Чернышевскимъ тезисовъ, онъ заявляетъ, что откладываетъ разборъ этихъ статей до ихъ окончанія, а пока, яко бы для уменьшенія своего „невѣжества“, въ которомъ его обвиняетъ ученый журналъ, онъ обращается къ указываемому ему этимъ журналомъ „великому“ экономисту Тенгоборскому и хочетъ отъ него поучиться, какъ надо относиться къ общинному землевладѣнію. Рѣзко критикуя и опровергая при этомъ различныя частныя мнѣнія и даже нѣкоторыя фактическія данныя, приводимыя Тенгоборскимъ, онъ съ замѣчательною ловкостью извлекаетъ изъ него же любопытные аргументы въ пользу сохраненія общиннаго землевладѣнія въ Россіи, при чемъ беретъ изъ Тенгоборскаго тѣ выводы, которые Тенгоборскій въ свою очередь заимствовалъ у Гакстгаузена. Особенно важнымъ въ практическомъ отношеніи для Чернышевскаго представляется конечный выводъ Тен-

[1]) „Экономическій Указатель“ 1854 г. „О поземельной собственности. Критику Современника“. Статьи И. В—скаго, №№ 22, 25, 27 и 29.

говорскаго объ общинномъ землевладѣніи: „онъ признаетъ такой порядокъ вещей очень неудобнымъ, но полагаетъ, что его отмѣненіе повлекло бы за собой бѣдствія, гораздо болѣе значительныя, нежели тѣ неудобства, какія представляются его сохраненіемъ, и что потому общинный порядокъ землевладѣнія долженъ быть сохраненъ".

Напуская на себя личину преувеличенной скромности — одинъ изъ любимыхъ полемическихъ пріемовъ Чернышевскаго,—онъ дѣлаетъ видъ, что только изъ Тенгоборскаго узналъ о существованіи книги Гакстгаузена и, обратившись къ этой послѣдней, съ удивленіемъ убѣждается, что всѣ безъ исключенія свѣдѣнія Тенгоборскаго объ общинѣ почерпнуты изъ этого источника. Выражая иронически радость, что онъ теперь становится обладателемъ того же источника, на которомъ основывается ученость столь прославленнаго авторитета, какъ Тенгоборскій, Чернышевскій излагаетъ содержаніе книги Гакстгаузена, основательно знакомя съ нимъ русскаго читателя при помощи весьма обширныхъ выписокъ, не упуская въ нужныхъ случаяхъ ввести въ изложеніе Гакстгаузена болѣе или менѣе существенныя поправки и поясненія. Въ заключеніе своей длинной и въ высшей степени интересной статьи,—съ интересомъ читающейся и въ настоящее время — Чернышевскій приводитъ изъ Гакстгаузена, этого прусскаго консерватора, воспитаннаго въ понятіяхъ и сельско-хозяйственныхъ порядкахъ нѣмецкаго юнкерства, тѣ дѣйствительно замѣчательныя для него строки, которыми Гакстгаузенъ заключаетъ свой трактатъ и въ которыхъ содержится настоящій дифирамбъ русскому общинному землевладѣнію. Для Чернышевскаго особенно характерно то обстоятельство, что въ этомъ заключительномъ дифирамбѣ ему представляется особенно замѣчательна та поправка, которую Гакстгаузенъ предлагаетъ ввести въ общинномъ землевладѣніи въ будущемъ, съ цѣлью уничтожить невыгодныя въ сельско-хозяйственномъ отношеніи его стороны. Гакстгаузенъ предлагаетъ для уничтоженія этихъ невыгодныхъ сторонъ устранить (особенно въ маленькихъ общинахъ) дѣлежи земли между членами и взамѣнъ этого ввести общій трудъ и раздѣлъ жатвы въ полѣ. Чернышевскому это мѣсто въ книгѣ Гакстгаузена, „человѣка совершенно далекаго отъ всякой мечтательности", кажется столь важнымъ, что онъ приводитъ его, къ устраненію всякихъ сомнѣній, не только въ русскомъ переводѣ, но и по-нѣмецки подлинными словами автора [1]).

На статьи „О поземельной собственности", направленныя И. В. Вернадскимъ противъ приведенныхъ выше тезисовъ Чернышевскаго, Чернышевскій отвѣчалъ двумя длинными полемическими статьями, напечатанными въ 9 и 11 книжкахъ „Современника" за 1857 г. Первая изъ этихъ статей наполнена чрезвычайно язвительными выходками противъ „Экономическаго Указателя" и его ученаго редактора, — выходками, которыя по самой формѣ своей далеко не всѣмъ могутъ нравиться, при чемъ самъ Чернышевскій пояснялъ впослѣдствіи, что такой тонъ казался ему необходимымъ, чтобы расшевелить общественное мнѣніе и самой рѣзкостью спора привлечь общее вниманіе къ этому

[1]) Срав. сочиненія Н. Г. Чернышевскаго: „Статьи по крестьянскому вопросу", изд. 1905 г., стр. 57.

вопросу первостепенной важности. Во второй статьѣ онъ переходитъ къ существу дѣла и, пользуясь данными и нѣкоторыми соображеніями, заимствованными у Сисмонди, даетъ яркое сопоставленіе фермерскаго хозяйства, основаннаго на батрачествѣ, съ возможнымъ положеніемъ хозяйства и самого земледѣльческаго населенія при системѣ общиннаго землевладѣнія. Подчеркивая сельско-хозяйственные недостатки и невыгоды фермерства, онъ въ то же время пытается доказать въ этой статьѣ, что фермерство есть та сельско-хозяйственная система, къ которой неизбѣжно приходитъ всякая страна съ крупной помѣщичьей собственностью и необезпеченнымъ землей населеніемъ. Обезпеченность же населенія землей изъ всѣхъ извѣстныхъ системъ можетъ дать только общинное землевладѣніе. Въ концѣ статьи Чернышевскій излагаетъ свой практическій идеалъ, свой взглядъ на желательный исходъ аграрнаго вопроса. Онъ допускаетъ возможность удовлетворенія двоякаго рода интересовъ:

„1. Люди, особенно даровитые, особенно счастливые или особенно дѣятельные, которые могутъ успѣшно выдерживать конкуренцію, любятъ рисковать.

„2. Люди обыкновенные желаютъ жить безбѣдно и обезпеченно".

Для первыхъ онъ готовъ открыть „поприще частной собственности, въ которой все предоставлено счастію, дарованію, силѣ и ловкости". „Вторымъ нужно обезпеченное достояніе, независимое отъ превратностей счастія, такъ, чтобы трудящійся всегда имѣлъ средства къ труду. — Это, — говоритъ Чернышевскій, — дается государственной поземельной собственностью съ общиннымъ владѣніемъ".

При этомъ „государственная поземельная собственность должна имѣть, по крайней мѣрѣ, такой объемъ, чтобы каждый изъ подушныхъ участковъ давалъ безбѣдныя средства для жизни земледѣльцу". „Она и будетъ, — по мнѣнію Чернышевскаго, — имѣть такой объемъ, если къ ней причислить всѣ тѣ земли, которыя воздѣлываются для самихъ себя земледѣльцами".

„Итакъ: все, чѣмъ владѣютъ или что воздѣлываютъ для себя поселяне по общинному праву, должно быть государственною собственностью въ общинномъ владѣніи". „Затѣмъ, земли, которыя не только называются частною собственностью, но также и воздѣлываются по принципу частной собственности (т.-е. не сдаются въ аренду) должны быть частною собственностью, потому что фактически только онѣ выдѣлились изъ общиннаго владѣнія".

Таковъ былъ идеалъ Чернышевскаго въ рѣшеніи аграрнаго вопроса въ 1857 году.

Впослѣдствіи Чернышевскій нѣсколько разъ возвращался къ вопросу объ общинномъ владѣніи, давая свои отзывы на статьи объ этомъ предметѣ, появлявшіяся въ различныхъ журналахъ. Но всѣ такіе отзывы онъ писалъ уже не полемическимъ тономъ, безъ всякаго задора и даже отдавая иногда должное безпристрастію и толковому изложенію предмета своими противниками. Таковъ, напримѣръ, его отзывъ о статьѣ Бутовскаго, помѣщенной въ 1858 г. въ „Русскомъ Вѣстникѣ", и о статьѣ Неелова, помѣщенной тамъ же. Къ полемикѣ съ „Экономическимъ Указателемъ", принявшей опять желчный и глумливый характеръ, онъ возвратился лишь въ концѣ 1858 и въ 1859 году въ

статьяхъ: „Критика философскихъ предубѣжденій противъ общиннаго землевладѣнія“ и „Суевѣріе и правила логики“, — когда его самого охватило разочарованіе по отношенію къ исходу крестьянской реформы, на который онъ въ это время смотрѣлъ крайне пессимистически. Главная задача первой изъ этихъ статей заключалась въ доказательствѣ той мысли, что по законамъ Гегелевой философіи во всякомъ процессѣ развитія черты первобытнаго періода неизбѣжно повторяются въ послѣдующихъ періодахъ развитія, и что при этомъ нѣтъ надобности для каждой страны переживать послѣдовательно всѣ періоды развитія, свойственные человѣческимъ обществамъ, а что, наоборотъ, для народовъ, позднѣе выступившихъ на историческую арену, возможно, пользуясь опытомъ болѣе старыхъ обществъ, миновать нѣкоторые періоды развитія. Доказать это для Чернышевскаго было важно, чтобы устранить возраженія тѣхъ своихъ противниковъ, которые указывали, что общинное владѣніе составляло принадлежность первобытной стадіи цивилизаціи у всѣхъ народовъ земного шара и что, какъ другіе болѣе цивилизованные народы арійской расы, пройдя эту стадію развитія, вступали затѣмъ въ періодъ, характеризуемый развитіемъ частной собственности, такъ и русскому народу предстоитъ тотъ же путь развитія, а потому надо желать скорѣйшаго выхода изъ періода общинныхъ отношеній, такъ какъ слѣдующій періодъ является относительно высшей ступенью развитія. Чернышевскій же старался провести ту мысль, что періодъ, слѣдующій за періодомъ господства частной собственности, будетъ отличаться опять господствомъ общинныхъ началъ высшаго порядка (соціалистическій строй) и что общинное землевладѣніе у насъ можетъ послужить непосредственной ступенью къ нему, минуя періодъ развитія частно-правовыхъ началъ. Въ этомъ заключалась главная задушевная мечта Чернышевскаго и въ этомъ, конечно, состоитъ его близость къ позднѣйшимъ русскимъ народникамъ и т. наз. соціалистамъ-утопистамъ, чего не хочетъ признать Г. В. Плехановъ. Но самъ Чернышевскій опредѣленно указывалъ, что для практическихъ интересовъ данной минуты для него является болѣе важнымъ преимуществомъ общиннаго землевладѣнія та гарантія отъ обезземеленія народныхъ массъ, которую оно могло дать современнымъ поколѣніямъ. Это онъ выразилъ совершенно опредѣленно въ своемъ отвѣтѣ на письмо „Провинціала“, напечатанномъ въ № 4 „Современника“ за 1858 г. Здѣсь онъ писалъ: „То, чтобы всѣ наши земледѣльцы имѣли поземельную собственность—вотъ основное наше желаніе; предпочтеніе общиннаго владѣнія безграничному расширенію частной поземельной собственности основывается для насъ *относительно настоящаго и ближайшаго будущаго* [1]) преимущественно на томъ, что общинное владѣніе представляется намъ единственнымъ средствомъ сохранить каждаго поселянина-хозяина въ званіи поземельнаго собственника“.

Пока Чернышевскій велъ въ 1857 г. свой споръ съ „Экономическимъ Указателемъ“ объ общинномъ землевладѣніи, крестьянскій вопросъ сильно подвинулся къ своему разрѣшенію.

---

[1]) Курсивъ мой. *А. К.*

Рѣшившись отмѣнить крѣпостное право, Александръ не хотѣлъ, какъ извѣстно, дѣйствовать диктаторіально, а стремился, напротивъ, вызвать инициативу самого дворянства и провести эту реформу при его содѣйствіи. Планъ этотъ, самъ по себѣ вполнѣ понятный и разумный, оказалось однако же не легко осуществить. Несмотря на то, что въ обществѣ всѣ передовые и образованные люди сознавали необходимость и своевременность этого преобразованія, несмотря на то, что для многихъ ясна была невыгодность существовавшаго строя даже для самихъ помѣщичьихъ хозяйствъ, по крайней мѣрѣ въ густо населенныхъ мѣстностяхъ, несмотря на опредѣленно выраженное намѣреніе Александра, помѣщики не спѣшили съ своею инициативой, такъ какъ одни изъ нихъ боялись разстаться съ привычными хозяйственными условіями, а другіе не довѣряли разумности дѣйствій бюрократіи, которая все же въ концѣ-концовъ являлась при существующемъ строѣ верховной рѣшительницей вопроса. Поэтому цѣлыхъ два года разработка вопроса не выходила изъ стадій канцелярскаго и комитетскаго секретнаго подготовленія дѣла. Наконецъ, въ октябрѣ 1857 г. виленскому генералъ-губернатору Назимову удалось получить отъ литовскихъ дворянъ заявленіе о желательности открыть на мѣстахъ дворянскіе комитеты для обсужденія основаній освобожденія крестьянъ безъ земли, которое представлялось литовскимъ дворянамъ болѣе выгоднымъ, нежели введенная въ западныхъ губерніяхъ при Николаѣ инвентарная система, стѣснявшая ихъ хозяйственныя распоряженія. Правительство, или, точнѣе говоря, самъ Александръ, тотчасъ же ухватилось за это предложеніе, и 20 ноября 1857 г. послѣдовалъ знаменитый рескриптъ Назимову объ открытіи дворянскихъ губернскихъ комитетовъ въ 3-хъ литовскихъ губерніяхъ, при чемъ указаны были и тѣ условія, на которыхъ должна была совершиться реформа и которыя ни мало не соотвѣтствовали выраженнымъ литовскими помѣщиками желаніямъ. Хотя въ этихъ условіяхъ было сказано, что вся земля остается собственностью помѣщиковъ и за ними же предполагалось сохранить вотчинную полицейскую власть, однако же указывалось, что крестьянамъ должна быть сохранена ихъ усадебная осѣдлость, которую имъ предоставлялось выкупить, и сверхъ того имъ должно было быть отведено изъ помѣщичьей земли такое ея количество, которое обезпечивало бы ихъ бытъ и давало бы имъ возможность выполнять ихъ обязанности передъ правительствомъ и передъ помѣщиками, которымъ они должны были за отведенную имъ землю платить оброкъ или отбывать работу.

Черезъ нѣсколько дней такой же рескриптъ послѣдовалъ на имя петербургскаго генералъ-губернатора Игнатьева, и копіи съ этихъ рескриптовъ были не только разосланы всѣмъ губернаторамъ и предводителямъ дворянства для сообщенія содержанія ихъ дворянству, но и опубликованы.

Не только содержаніе, но и опубликованіе этихъ рескриптовъ имѣло огромное, рѣшающее значеніе для исхода всего дѣла. Правительство этимъ шагомъ отрѣзало себѣ отступленіе; дворянству другихъ губерній невозможно стало долѣе уклоняться отъ участія въ этомъ дѣлѣ подъ опасеніемъ волненій крестьянъ, которыя могли быть вызваны не только отказомъ мѣстныхъ дворянъ отъ реформы, но и простымъ ихъ молчаніемъ; наконецъ—что не менѣе важно—крестьян-

скій вопросъ съ момента опубликованія рескрипта вынесенъ былъ изъ сферы канцелярскаго, келейнаго его разсмотрѣнія на всенародное гласное обсужденіе. Очевидно, съ этихъ поръ и печати невозможно было запрещать его разсмотрѣніе.

Чернышевскій съ этого момента рѣшилъ посвятить себя спеціально изученію и обсужденію крестьянскаго дѣла и тѣсно связанныхъ съ нимъ другихъ экономическихъ вопросовъ. Это оказалось вполнѣ возможнымъ, такъ какъ въ „Современникѣ“ у него съ 1857 года явился товарищъ, на котораго можно было всецѣло возложить завѣдываніе отдѣломъ критики и библіографіи, которымъ до сихъ поръ завѣдывалъ Чернышевскій и который по своему общественному значенію въ тогдашнихъ журналахъ являлся важнѣйшимъ. Этотъ товарищъ былъ Н. А. Добролюбовъ, который дѣйствительно по своимъ дарованіямъ могъ съ честью взять на себя веденіе этого отдѣла, а по своимъ убѣжденіямъ являлся для Чернышевскаго настоящимъ alter ego.

Первая статья, съ которой выступилъ Чернышевскій, когда гласное обсужденіе крестьянскаго вопроса сдѣлалось возможнымъ, была извѣстная статья его „О новыхъ условіяхъ сельскаго быта“, напечатанная въ февральской и апрѣльской книжкахъ „Современника“ за 1858 г. Въ первой части этой статьи Чернышевскій выступаетъ восторженнымъ панегиристомъ сдѣланнаго правительствомъ шага; во вторую часть онъ включаетъ почти цѣликомъ извѣстный проектъ рѣшенія крестьянскаго вопроса, составленный К. Д. Кавелинымъ еще въ 1856 году и давно уже ходившій по рукамъ въ видѣ рукописной записки и въ этомъ видѣ прекрасно извѣстный и самому правительству.

Первая изъ этихъ статей (въ февральской книжкѣ „Современника“) снабжена эпиграфомъ: „Возлюбилъ еси правду и возненавидѣлъ еси беззаконіе, сего ради помаза тя Богъ твой (Псалм. XLV, стих. 8) и затѣмъ начинается слѣдующими знаменательными строками: „Высочайшими рескриптами, данными 20 ноября, 5 и 24 декабря 1857 г., благополучно царствующій государь императоръ началъ дѣло, съ которымъ по своему величію и благотворности можетъ быть сравнена только реформа, совершенная Петромъ Великимъ“. Далѣе Чернышевскій разъясняетъ весьма толково и образно, насколько крѣпостное право являлось до сихъ поръ тормозомъ для всѣхъ необходимыхъ реформъ и улучшеній въ русской общественной и государственной жизни, а затѣмъ опять обращается къ восхваленію акта, предпринятаго правительствомъ.

„Блистательные подвиги временъ Петра Великаго,—пишетъ Чернышевскій,—и колоссальная личность самого Петра покоряютъ наше воображеніе; неоспоримо громадно и существенное величіе совершеннаго имъ дѣла. Мы не знаемъ, какихъ внѣшнихъ событій свидѣтелями поставитъ насъ будущность. Но уже одно только дѣло уничтоженія крѣпостного права благословляетъ времена Александра II славою, величайшею въ мірѣ.

„Благословеніе, обѣщанное миротворцамъ и кроткимъ, увѣнчиваетъ Александра II счастіемъ, какимъ не былъ увѣнчанъ еще никто изъ государей Европы—счастіемъ одному начать и совершить освобожденіе своихъ подданныхъ“.

Этотъ восторженный тонъ отличалъ въ это время всѣ или почти всѣ статьи, помѣщенныя въ передовыхъ русскихъ журналахъ по поводу рескриптовъ 20 ноября и 5 декабря 1857 года. Герценъ въ заграничномъ своемъ „Колоколѣ“ помѣстилъ въ это время знаменитую прочувствованную и можно сказать вдохновенную статью съ эпиграфомъ: „Ты побѣдилъ, Галилеянинъ!“ То же восторженное настроеніе и такое же отношеніе къ Александру II ярко проявилось и на обѣдѣ, данномъ поэтому случаю въ Москвѣ передовыми представителями общественнаго мнѣнія обѣихъ столицъ.

Послѣ этихъ восхваленій иниціатора дѣла Чернышевскій переходитъ къ экономической сторонѣ его и обрушивается прежде всего на стараго своего знакомца Тенгоборскаго за то лицемѣрно-идиллическое описаніе крѣпостного хозяйства, которое даетъ Тенгоборскій въ своемъ трактатѣ, и за его попытку доказать невозможность и невыгодность единовременной и внезапной отмѣны крѣпостного права путемъ правительственнаго вмѣшательства въ эти дѣла, которыя Тенгоборскому представлялись обыкновенными частно-правовыми отношеніями [1]). Тутъ Чернышевскій возвращается и къ Гакстгаузену, чтобы опровергнуть его заключеніе о невозможности капиталистическаго хозяйства съ наемнымъ трудомъ въ Ярославской губерніи вслѣдствіе климатическихъ и другихъ природныхъ условій. Впрочемъ, онъ тутъ же приводитъ и мысль самого Гакстгаузена, что подобное хозяйство можетъ быть осуществлено и въ Ярославской губерніи, если для помѣщиковъ окажется возможность нанимать рабочихъ не на весь годъ, а лишь на кратковременный сравнительно (въ виду климатическихъ условій) періодъ сельско-хозяйственныхъ работъ, или же если найденъ будетъ способъ утилизировать силы годовыхъ рабочихъ въ зимнее время на какія-нибудь другія, не сельско-хозяйственныя работы. Полемизируя съ Тенгоборскимъ и выясняя всю хозяйственную невыгоду и нелѣпость крѣпостного хозяйства въ Россіи, Чернышевскій даетъ въ этой статьѣ подробный анализъ помѣщичьяго хозяйства въ тогдашней Россіи, какъ въ барщинныхъ, такъ и въ оброчныхъ имѣніяхъ, при чемъ приводитъ разительныя картины экономическихъ безобразій и нелѣпостей въ барщинныхъ хозяйствахъ хлѣбородныхъ губерній, пользуясь главнымъ образомъ превосходнымъ статистическимъ описаніемъ Кіевской губерніи, составленнымъ извѣстнымъ экономистомъ-статистикомъ сороковыхъ годовъ Журавскимъ. Затѣмъ онъ останавливается на принципахъ предстоящей реформы и, доказывая необходимость освобожденія крестьянъ съ достаточнымъ земельнымъ надѣломъ, съ удовлетвореніемъ указываетъ, что „этотъ принципъ, слава Богу, поставленъ теперь внѣ опасности Высочайшими рескриптами, опредѣляющими освобожденіе крестьянъ съ усадьбою и раздѣленіе господскихъ земель отъ крестьянскихъ“.

Вторая часть статьи „О новыхъ условіяхъ сельскаго быта“ представляетъ, какъ мы уже упомянули, почти дословную перепечатку Кавелинскаго проекта. На этомъ обстоятельствѣ необходимо остановиться потому, что оно важно для выясненія эволюціи идей самого Чернышевскаго въ крестьянскомъ вопросѣ.

---

[1]) Книга Тенгоборскаго была издана еще при Николаѣ — въ 1852 г.

Основное требованіе Кавелинской записки заключалось въ томъ, чтобы крестьяне были освобождены со *всѣмъ* земельнымъ надѣломъ, которымъ они въ то время фактически пользовались, а помѣщикамъ чтобы выданъ былъ выкупъ какъ за землю, такъ и за личность крестьянъ, т.-е. за утрату права пользоваться крѣпостнымъ трудомъ. Основываясь на данныхъ изданной въ 1855 году Я. А. Соловьевымъ „Сельско-хозяйственной статистики Смоленской губерніи", Кавелинъ такъ представлялъ себѣ размѣры выкупа. Въ помѣщичьихъ имѣніяхъ Смоленской губерніи на душу приходилось въ среднемъ 13 десятинъ земли; средняя покупная цѣна имѣній была по 117 руб. за душу, а средняя цѣна одной незаселенной десятины въ той же губерніи равнялась $5^1/_2$ рублямъ. Полагая, что половина помѣщичьей земли находилась во владѣніи крестьянъ, Кавелинъ вычислялъ, что „помѣщикамъ пришлось бы выдать по $117—6^1/_2 \times 5^1/_2$ руб., т.-е. по 81 руб. 25 коп. за каждую душу. Кавелинъ отчетливо выяснилъ при этомъ дѣйствительные интересы помѣщиковъ какъ въ центральныхъ черноземныхъ губерніяхъ, такъ и въ промышленныхъ нечерноземныхъ, указывая совершенно основательно, что въ первыхъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ имѣла преимущественную цѣнность земли, а во вторыхъ—крѣпостной трудъ.

Записка Кавелина, которая составила главное содержаніе второй статьи „о новыхъ условіяхъ сельскаго быта", давно уже, какъ я сказалъ, ходила по рукамъ и была отлично извѣстна правительству. Тѣмъ не менѣе появленіе ея въ печати произвело цѣлую бурю. Съ одной стороны, въ ней опредѣленно проводилась идея выкупа, а правительство въ это время считало эту идею самой опасной и полагало, что выкупная операція при содѣйствіи правительства можетъ вызвать государственное банкротство. Паническій страхъ передъ выкупомъ объяснялся плачевнымъ положеніемъ русскихъ финансовъ послѣ Крымской войны, благодаря постояннымъ дефицитамъ; покрывавшимся все новыми и новыми выпусками ассигнацій, что, разумѣется, все болѣе и болѣе роняло курсъ русскаго рубля. Къ тому же управляли финансами тогда люди явно бездарные и совершенно неосвѣдомленные. Съ другой стороны, такъ какъ извѣстно было, что эта часть статьи принадлежитъ собственно Кавелину, который въ это время состоялъ однимъ изъ преподавателей наслѣдника цесаревича, то придворные интриганы воспользовались этимъ случаемъ, чтобы устранить его съ неподобающаго ему по ихъ мнѣнію мѣста. Интрига эта не только достигла своей цѣли, въ томъ отношеніи, что Кавелинъ долженъ былъ уйти съ своего мѣста, но и вызвала рядъ репрессивныхъ мѣръ по отношенію къ печати. Главный начальникъ петербургскаго цензурнаго вѣдомства, попечитель учебнаго округа кн. Щербатовъ получилъ выговоръ за допущеніе этой статьи, и только что данное журналамъ право обсуждать крестьянскій вопросъ было до такой степени ограничено, что обсуждать его стало почти незозможно, — настолько, что Катковъ закрылъ у себя въ „Русскомъ Вѣстникѣ" открытый имъ было спеціальный отдѣлъ для обсужденія крестьянскаго вопроса.

Съ этого момента и прекратилась та небывалая въ Россіи entente cordiale, которая установилась было между печатью и прогрессивнымъ правительствомъ Александра II.

Въ печати и въ обществѣ съ этихъ поръ началось то раздраженіе противъ правительства и то броженіе, которое впослѣдствіи усиливалось все болѣе и болѣе. Усиленію и развитію броженія, независимо отъ колебаній правительства и непредвидѣнныхъ реакціонныхъ выходокъ отдѣльныхъ администраторовъ, содѣйствовало всего болѣе въ это время то возбужденіе, которое вызвано было работою губернскихъ комитетовъ, какъ въ нихъ самихъ, такъ и въ окружающей ихъ общественной средѣ, столичной и провинціальной. Общая программа рѣшенія крестьянскаго вопроса, данная въ рескриптахъ 1857 года и сопровождавшихъ ихъ циркулярахъ Ланского, нигдѣ не была принята дворянствомъ сочувственно. Во многихъ губерніяхъ дворянскія собранія пытались внести въ эту программу тѣ или иныя измѣненія, отчасти вытекавшія изъ общихъ крѣпостническихъ соображеній, отчасти же обусловленныя различіемъ въ мѣстныхъ условіяхъ. Но правительство, твердо занявъ свою позицію и не безъ основанія опасаясь быть съ нея сбитымъ, рѣшилось не допускать въ этой программѣ никакихъ измѣненій и, наоборотъ, вскорѣ прибавило къ ней еще подробную программу занятій самихъ комитетовъ, стѣснивъ и раздраживъ этимъ ихъ окончательно. Между тѣмъ различія въ хозяйственныхъ условіяхъ черноземныхъ хлѣбородныхъ и нечерноземныхъ промышленныхъ губерній были огромны. Въ первыхъ изъ нихъ главная цѣнность имѣній заключалась въ землѣ, при чемъ въ нѣкоторыхъ густо населенныхъ мѣстностяхъ дѣло дошло до того, что даже ненаселенныя земли, гдѣ не приходилось кормить излишнихъ людей, пѣнились тамъ дороже населенныхъ имѣній. Въ этихъ губерніяхъ помѣщики обыкновенно вели собственныя хозяйства, отхожіе же промыслы тутъ не были развиты, и огромное большинство имѣній—до 7% и болѣе—были на барщинѣ. Поэтому помѣщики этихъ губерній всего лучше желали бы безземельнаго освобожденія крестьянъ, которое, сдѣлало бы ихъ „монополистами цѣннаго товара—чернозема"—по удачному выраженію кн. Черкасскаго; если же ужъ правительство не шло на безземельное освобожденіе, то они желали, чтобы ликвидація крѣпостныхъ отношеній совершалась постепенно, дабы не нарушились вдругъ ихъ хозяйственные порядки и чтобы сохранилась какъ можно дольше возможность пользоваться барщиннымъ трудомъ крестьянъ. Поэтому они стояли за установленіе переходнаго срочно-обязаннаго періода, въ теченіе котораго имъ было важно обезпечить себя сильною вотчинно-полицейскою властью. Впрочемъ, надѣясь сохранить свои хозяйства и въ будущемъ, они очень были непрочь сохранить за собой вотчинно-полицейскія права и послѣ окончательной ликвидаціи крѣпостныхъ отношеній. Они стояли поэтому за установленіе впослѣдствіи на мѣстахъ выборнаго помѣщичьяго самоуправленія, но отнюдь не желая всесословнаго.

Совершенно иначе были настроены помѣщики сѣверныхъ нечерноземныхъ губерній, гдѣ земледѣліе было въ плохомъ состояніи и гдѣ главный доходъ съ имѣній заключался въ хорошихъ денежныхъ оброкахъ съ крестьянъ, издавна занимавшихся здѣсь торговлей и промыслами. Здѣсь помѣщики рѣдко вели свои собственныя хозяйства и огромное большинство имѣній было на оброкѣ. Помѣщики этихъ губерній при отмѣнѣ крѣпостного права болѣе всего боялись утратить свои денежные доходы. Поэтому они предпочитали единовременную

полную ликвидацію крѣпостныхъ отношеній, но подъ условіемъ полученія денежнаго выкупа при содѣйствіи или гарантіи правительства, притомъ чтобы выкуплена была не земля, цѣнность которой здѣсь была незначительна, а дѣйствительный доходъ съ имѣній, т.-е. оброки или доходы съ личности крестьянъ. Затѣмъ они готовы были согласиться на болѣе или менѣе щедрое надѣленіе крестьянъ землей и на установленіе на мѣстахъ демократическаго всесословнаго самоуправленія.

Таковы были главныя различія между отдѣльными мѣстностями, но было и много второстепенныхъ; иногда между отдѣльными уѣздами одной и той же губерніи оказывались весьма существенныя различія въ этихъ матеріальныхъ и экономическихъ условіяхъ хозяйства. Понятно, что при такихъ условіяхъ въ губернскихъ комитетахъ возникли бурные споры и схватки, тѣмъ болѣе, что во многихъ мѣстахъ оказались въ комитетахъ, если не въ числѣ выбранныхъ уѣздными собраніями членовъ, то въ числѣ тѣхъ двухъ, которые были назначены въ каждомъ комитетѣ правительствомъ, люди съ либеральными взглядами и не считавшіе возможнымъ руководствоваться одними лишь классовыми расчетами и интересами, а иногда считавшіе себя даже призванными явиться въ этихъ чисто дворянскихъ учрежденіяхъ представителями крестьянскихъ интересовъ и правъ. Въ нѣкоторыхъ комитетахъ споры велись съ такимъ азартомъ, что оканчивались прямыми скандалами. Провинціальное общество встрепенулось и слѣдило съ напряженнымъ вниманіемъ за ходомъ работъ въ комитетахъ. Засѣданія ихъ хотя и были закрыты для публики, но, разумѣется, предметы ихъ занятій и состоявшіяся въ нихъ рѣшенія не оставались въ тайнѣ отъ общества.

Въ концѣ-концовъ во всѣхъ комитетахъ выработаны были положенія, возможно болѣе удовлетворяющія интересамъ помѣщиковъ и очень мало заботящіяся объ интересахъ крестьянъ. Проекты комитетовъ поступили затѣмъ, какъ извѣстно, въ редакціонныя коммиссіи, составленныя подъ главнымъ начальствомъ генерала Ростовцева наполовину изъ болѣе или менѣе либеральныхъ чиновниковъ, въ числѣ которыхъ были и искренно преданные дѣлу реформы, какъ напримѣръ, Милютинъ и Соловьевъ, наполовину изъ приглашенныхъ правительствомъ прогрессивныхъ членовъ меньшинствъ губернскихъ комитетовъ, изъ которыхъ наиболѣе выдающимися были Ю. Самаринъ и кн. Черкасскій. Редакціонныя коммиссіи составили свой проектъ положенія, пользуясь работами губернскихъ комитетовъ какъ матеріаломъ, но нисколько не считаясь съ волей дворянства.

Надо замѣтить, что въ правительственныхъ кругахъ въ это время произошла значительная эволюція во взглядахъ на крестьянскій вопросъ. Съ одной стороны, на самого императора Александра произвелъ большое впечатлѣніе тотъ фактъ, что съ момента начала работъ по крестьянскому дѣлу крестьяне не только не волновались, но выжидали исхода этихъ работъ съ полнымъ спокойствіемъ и терпѣливо выполняли всѣ повинности, налагаемыя на нихъ крѣпостнымъ правомъ и произволомъ ихъ господъ; а въ то же время многіе высокопоставленные крѣпостники повели противоправительственную агитацію и выступили съ заявленіями, хотя по формѣ направленными противъ бюрократіи, но касавшимися, и притомъ весьма рѣзко, въ сущности

дѣйствій и распоряженій самого Александра, при чемъ въ нѣкоторыхъ изъ этихъ записокъ довольно открыто высказывались аристократическо-конституціонныя стремленія. Съ другой стороны, подъ вліяніемъ ходившихъ по рукамъ записокъ, журнальныхъ статей и въ особенности энергическихъ представленій депутатовъ тверского комитета съ Унковскимъ во главѣ, правительство вникло нѣсколько глубже въ вопросъ о выкупѣ и стало, повидимому, соображать, что для помѣщиковъ сѣверныхъ нечерноземныхъ губерній вопросъ этотъ являлся почти вопросомъ жизни и смерти. Подъ вліяніемъ такихъ обстоятельствъ въ правительственныхъ кругахъ явилось, съ одной стороны, сознаніе нежелательности длиннаго переходнаго періода, сопряженнаго съ сохраненіемъ за помѣщиками вотчинно-полицейской власти, а съ другой стороны, признана необходимость допустить составленіе выкупныхъ проектовъ, при чемъ однако же Александръ, допуская выкупъ по добровольнымъ соглашеніямъ, хотя бы и при содѣйствіи правительства, не соглашался ни за что на обязательный для обѣихъ сторонъ выкупъ по требованію одной изъ нихъ.

Проекты, составленные редакціонной коммиссіей, вызвали сильное раздраженіе въ дворянскихъ кругахъ. Это раздраженіе усилилось еще больше, когда оказалось, что депутаты губернскихъ комитетовъ, вопреки обѣщанію, данному государемъ во время его путешествія по Россіи лѣтомъ 1858 г., не будутъ участвовать въ окончательномъ рѣшеніи вопроса въ главномъ комитетѣ, а допускаются лишь къ изложенію словесныхъ и письменныхъ возраженій противъ проекта редакціонной коммиссіи въ ея же засѣданіяхъ. Депутаты протестовали адресами, поданными на имя государя, при чемъ одни изъ нихъ требовали пересмотра всего дѣла въ ихъ присутствіи въ главномъ комитетѣ подъ предсѣдательствомъ самого государя, другіе указывали на необходимость административныхъ и судебныхъ преобразованій въ либерально-демократическомъ духѣ. Подписавшіе эти адреса депутаты получили выговоръ, объявленный имъ черезъ губернаторовъ, а губернскимъ дворянскимъ собраніямъ запрещено было обсуждать крестьянскій вопросъ. Это раздражило дворянъ еще болѣе, и тверское собраніе формально протестовало противъ этого нарушенія правъ дворянскихъ собраній новымъ адресомъ, отправленнымъ государю. За это предводитель дворянства Унковскій уволенъ былъ высочайшимъ приказомъ отъ должности, а затѣмъ вскорѣ и высланъ административнымъ порядкомъ вмѣстѣ съ помѣщикомъ Европеусомъ въ одну изъ восточныхъ губерній. Такъ разгоралось въ это время оппозиціонное движеніе въ дворянскихъ кругахъ.

Въ обществѣ броженіе тоже росло не по днямъ, а по часамъ. Съ одной стороны, здѣсь развивалось раздраженіе противъ правительства подъ вліяніемъ непослѣдовательныхъ и весьма стѣснительныхъ для печати распоряженій, исходившихъ, повидимому, отъ самого императора Александра, но приписывавшихся общественнымъ мнѣніемъ частью ненавистной всѣмъ бюрократіи, частью, и не безъ основанія, интригамъ вліятельныхъ крѣпостниковъ. Съ другой стороны, въ широкихъ общественныхъ кругахъ быстро росло недовольство своекорыстными рѣшеніями большинства губернскихъ комитетовъ, которыя особенно ярко сказались въ чрезвычайно преувеличенной оцѣнкѣ кре-

стьянскихъ усадебъ, въ стремленіи во многихъ случаяхъ очень сильно урѣзать существовавшіе надѣлы и установить за нихъ несоразмѣрно крупные оброки.

Подъ вліяніемъ этого броженія началась быстрая и острая диференціація и въ средѣ провинціальнаго дворянства, и въ средѣ столичнаго безсословнаго общества. Стали быстро складываться тѣ „разноцвѣтныя партіи“, образованія которыхъ особенно боялась бюрократія пятидесятыхъ годовъ. Дворянская оппозиція, создавшаяся подъ вліяніемъ хода крестьянской реформы, развивалась, какъ извѣстно, по двумъ русламъ — либерально-демократическому, къ которому примыкали главнымъ образомъ передовые помѣщики нечерноземныхъ губерній, и конституціонно-олигархическому, составившемуся главнымъ образомъ изъ раздраженныхъ лэндлордовъ и просто крѣпостниковъ черноземныхъ хлѣбородныхъ губерній. Либерально-демократическое теченіе нашло себѣ въ то время поддержку и въ „Русскомъ Вѣстникѣ„ Каткова, и въ другихъ либеральныхъ журналахъ того времени и встрѣчало нерѣдко сочувственный откликъ даже и въ „Колоколѣ“ Герцена, который въ особенности съ живымъ одобреніемъ относился ко всѣмъ проектамъ Унковскаго. „Современникъ“ же вскорѣ занялъ позицію значительно болѣе лѣвую, что проявилось съ особенной рѣзкостью въ статьяхъ Добролюбова и въ „Свисткѣ“, который составлялся главнымъ образомъ имъ же. Нападки Добролюбова на чиновничій и дворянскій умѣренный либерализмъ были такъ рѣзки, что ошеломили даже Герцена, который нашелъ ихъ безтактными и несвоевременными.

Чернышевскій до конца 1858 года въ статьяхъ своихъ проявлялъ однако же большую умѣренность. Съ іюня этого года онъ завелъ въ „Современникѣ“ спеціальный отдѣлъ подъ названіемъ „Устройство быта помѣщичьихъ крестьянъ“, и въ виду того, что какъ разъ въ это время цензурныя условія обсужденія крестьянскаго вопроса послѣ бури, вызванной напечатаніемъ кавелинскаго проекта, сильно ухудшились, этотъ отдѣлъ онъ наполнялъ частью историко-статистическимъ, частью библіографическимъ матеріаломъ, подобраннымъ чрезвычайно умѣло и интересно.

Въ іюньской книжкѣ былъ помѣщенъ обзоръ правительственныхъ мѣропріятій по крестьянскому вопросу, начиная съ Екатерины, при чемъ была отдана полная справедливость попыткамъ императора Николая ограничить помѣщичій произволъ, особенно въ западныхъ губерніяхъ. Обзоръ этотъ заключался рескриптами 1857 г. и послѣдующими циркулярами Ланского съ весьма благопріятными комментаріями Чернышевскаго по поводу этихъ мѣръ. Въ іюльской книжкѣ былъ помѣщенъ въ этомъ отдѣлѣ весьма полный и интересный разборъ только что вышедшей тогда первой работы Тройницкаго о крѣпостномъ населеніи Россіи, напечатанной въ журналѣ министерства внутреннихъ дѣлъ (№ 5 за 1858 г.), при чемъ Чернышевскій, можно сказать, исчерпывающимъ образомъ познакомилъ читателей „Современника“ съ интересными данными, разработанными Тройницкимъ. Въ библіографіи журнальныхъ статей по крестьянскому вопросу, начатой въ томъ же № „Современника“, онъ взялъ очень примирительный и объективный тонъ: расхвалилъ „Сельское благоустройство“, издававшееся при „Русской Бесѣдѣ“, въ особенности статьи Юрія Самарина, и очень терпимо отнесся

къ довольно плантаторскимъ статьямъ первыхъ книжекъ „Журнала для землевладѣльцевъ“ Желтухина. Тотъ же тонъ сохранился и въ библіографіи, помѣщенной въ № 10 „Современника“, при чемъ по поводу одной изъ статей „Сельскаго благоустройства“, въ которой авторъ выразилъ мнѣніе о необходимости образованія особаго сословія фермеровъ, Чернышевскій высказалъ со своей стороны, что для этого не надо принимать никакихъ мѣръ, что фермерство, при наличности извѣстныхъ условій, возникнетъ само собой, при чемъ оговорился, что онъ желаетъ образованія фермъ „лишь въ томъ смыслѣ, чтобы рядомъ съ нынѣшними крестьянскими хозяйствами возникли на пустопорожнихъ или вообще на господскихъ или казенныхъ земляхъ, не состоящихъ нынѣ въ пользованіи крестьянъ, фермы, которыя, превосходя способами обработки своей такъ же, какъ и размѣромъ, крестьянскіе участки, могли бы служить сосѣднимъ крестьянамъ живымъ примѣромъ земледѣльческихъ усовершенствованій“. Въ той же замѣткѣ онъ допускаетъ даже (по поводу статьи Кошелева „О дворовыхъ людяхъ“) личный выкупъ для дворовыхъ, указывая, что для нихъ онъ имѣетъ свое основаніе, такъ какъ помѣщикъ, очевидно, „пользовался тутъ доходомъ исключительно съ личности людей, безъ всякаго участія поземельной ренты“. Во всѣхъ рецензіяхъ на статьи „Русскаго Вѣстника“ Чернышевскій продолжаетъ еще относиться къ этому журналу съ полнымъ уваженіемъ. Только въ ноябрской книжкѣ „Современника“ появляется опредѣленная боевая статья по одному изъ важныхъ вопросовъ крестьянской реформы, озаглавленная „О необходимости держаться возможно умѣренныхъ цифръ при опредѣленіи величины выкупа усадебъ“. Вопросъ этотъ имѣлъ въ тотъ моментъ особое боевое значеніе, и статья эта была написана Чернышевскимъ несомнѣнно подъ живымъ впечатлѣніемъ слуховъ о тѣхъ невѣроятно высокихъ оцѣнкахъ крестьянскихъ усадебъ, которыя были предложены въ проектахъ многихъ губернскихъ комитетовъ. Дѣло въ томъ, что по рескрипту 20 ноября 1857 г. личное освобожденіе крестьянъ предполагалось безвозмезднымъ, вознагражденіе по точному смыслу рескрипта могло быть назначено лишь за усадьбы, подлежавшія выкупу, и за земли, за пользованіе которыми съ крестьянъ можно было назначить опредѣленный оброкъ. Положеніе о безвозмездности личнаго освобожденія было впослѣдствіи подтверждено губернскимъ комитетомъ отъ имени государя, а между тѣмъ, какъ мы уже видѣли, такое трактованіе вопроса ставило въ чрезвычайно невыгодное положеніе помѣщиковъ промышленныхъ неземледѣльческихъ губерній. Чтобы избѣжать разоренія, помѣщики этихъ губерній, не безъ содѣйствія правительственныхъ сферъ, придумали такую уловку: повышенной оцѣнкой усадебъ покрыть свои потери, происходящія отъ отмѣны личнаго крѣпостного права. Аппетиты при этомъ разыгрались до чрезвычайности, и во многихъ комитетахъ цифры оцѣнки усадебъ приняли чудовищные размѣры. Чернышевскій въ своей небольшой статейкѣ обо всемъ этомъ умалчиваетъ, но вызвана она была несомнѣнно этимъ обстоятельствомъ. Онъ стремится показать въ ней при помощи цифровыхъ выкладокъ, какъ тяжело отзывается на плательщикѣ, обладающемъ ограниченными средствами, каждая прибавка къ суммѣ разсрочиваемаго долга и доказываетъ затѣмъ, что для помѣщиковъ, если они не желаютъ сдѣлаться ростовщи-

ками и спеціально вытягивать какъ можно дольше изъ крестьянъ соки, а желаютъ получить капиталъ для правильной организаціи собственнаго хозяйства при новыхъ условіяхъ быта, является полный расчетъ не преувеличивать оцѣнки усадебъ, чтобы не затруднить той кредитной операціи, при помощи которой они могли бы разсчитывать на быстрое полученіе необходимаго для нихъ капитала. Въ 1859 году, въ виду совершившейся въ правительственной средѣ эволюціи, журналамъ вновь разрѣшено было писать о выкупѣ не однѣхъ усадебъ, но и земли вообще, и Чернышевскій, пользуясь этимъ, печатаетъ уже въ январской книжкѣ „Современника“ за 1859 годъ большую статью подъ заглавіемъ: „Труденъ ли выкупъ земли?“ Здѣсь онъ уже не щадитъ помѣщичьихъ интересовъ и дѣлаетъ такіе расчеты, которые не могли не произвести сильнѣйшаго впечатлѣнія во всѣхъ кругахъ помѣщичьей среды того времени. Такъ какъ идея выкупа сама по себѣ сдѣлала большіе успѣхи къ этому времени какъ въ правительственной, такъ и въ помѣщичьей средѣ, то и въ статьѣ этой Чернышевскій съ самаго же начала не столько нападаетъ на тѣхъ, кто признаетъ выкупъ невозможнымъ, сколько на тѣхъ легкомысленныхъ и простодушныхъ или, наоборотъ, лицемѣрныхъ людей, которые обманываютъ себя и другихъ, прикрывая затрудненія, въ которыя попадаютъ, фразами: „крестьянинъ легко будетъ уплачивать такой ежегодный взносъ“ или „такимъ образомъ крестьянинъ въ непродолжительное время расплатится съ долгомъ за получаемую землю“. „Надобно,—говоритъ Чернышевскій,—только взглянуть на цифры, которыя одѣты спереди и сзади этими „легко“ и „скоро“, и мы увидимъ, что дѣло въ сущности оказывается вовсе не „легкое“ и очень не „скорое“. Почти у всѣхъ выходитъ, что крестьянамъ пришлось бы платить за выкупъ земли деньги, превышающія оброкъ, которымъ они теперь обложены, и производить такую уплату въ теченіе 30, 35, 40 и даже болѣе лѣтъ. Какое же тутъ „легко“, какое же тутъ „скорое!“ Однако же большинство пишущихъ о крестьянскомъ вопросѣ и тогда еще утверждали, что выкупъ труденъ, почти невозможенъ въ то время, а Чернышевскій увѣренъ былъ, что если его не произвести теперь, то впослѣдствіи онъ станетъ гораздо труднѣе, такъ какъ земля быстро повышается въ цѣнѣ. И вотъ онъ пытается доказать, что выкупъ необходимъ немедленный и притомъ онъ вовсе не труденъ, если принять добросовѣстный расчетъ выкупной суммы, а слѣдовательно и выкупныхъ платежей. Желая доказать нетрудность выкупа, онъ указываетъ, что „вся земля, принадлежащая французскому народу, со всѣми зданіями и всѣмъ находящимся въ нихъ, всѣми кораблями и грузами, всѣмъ скотомъ и всѣми деньгами и всѣми другими богатствами, принадлежащими этой странѣ, едва ли представляетъ стоимость въ сто милліардовъ франковъ, а трудъ французскаго народа ежегодно производитъ цѣнность въ 15 или болѣе милліардовъ франковъ, т. е. не болѣе какъ въ 7 лѣтъ французскій народъ производитъ цѣнность, равную цѣнности цѣлой Франціи, какъ она есть, отъ Ламанша до Пиренеевъ. Стало быть, если бы французамъ нужно было выкупить у кого-нибудь всю Францію, они могли бы это сдѣлать въ продолженіе одного поколѣнія, употребляя на выкупъ только пятую часть своихъ доходовъ“. „Такъ неужели же,—восклицаетъ Чернышевскій,—для великаго русскаго народа можетъ

быть затруднителенъ выкупъ одной шестой части пространства, занимаемаго Европейской Россіей?",—т. е. того пространства, которое, по его предположенію, должно было отойти крестьянамъ. „Цѣнность годичнаго сбора, доставляемаго десятиною земли, у насъ немногимъ уступаетъ всей продажной цѣнности этой десятины, а во многихъ мѣстахъ чуть ли не превышаетъ ее". Какимъ же образомъ для цѣлой націи можетъ быть затруднителенъ выкупъ такого капитала, который развѣ-развѣ въ два раза, да и то едва ли, превышаетъ цѣнность производства, даваемаго трудомъ трехъ дней въ недѣлю одной трети ея населенія?" Доказавъ такими общими соображеніями возможность или мыслимость выкупа вообще, Чернышевскій переходитъ къ цифровымъ выкладкамъ съ цѣлью вычислить приблизительные размѣры всей выкупной операціи, при справедливомъ вознагражденіи помѣщиковъ за отходящую отъ нихъ землю. При этомъ онъ исходитъ изъ двухъ источниковъ, дававшихъ ему болѣе или менѣе точныя статистическія цифры для двухъ губерній — Смоленской и Кіевской: изъ трудовъ Соловьева и Журавскаго, не замѣчая при этомъ, что данныя Журавскаго, сами по себѣ весьма цѣнныя, значительно устарѣли. Затѣмъ онъ принимаетъ двѣ предпосылки, изъ которыхъ каждая могла быть оспариваема сильнѣйшимъ образомъ. Во-первыхъ, онъ, ссылаясь на высочайшіе рескрипты и на фразы отдѣльныхъ представителей дворянства, принимаетъ за несомнѣнное, что личность крестьянъ освобождается безвозмездно и что дѣло идетъ лишь о выкупѣ той части земли, которая будетъ отведена крестьянамъ и которую онъ желалъ бы даже нѣсколько увеличить по сравненію съ существовавшимъ тогда надѣломъ. Во-вторыхъ, онъ считалъ, что огромное большинство имѣній было въ то время на барщинѣ, и лишь въ видѣ уступки допускалъ, что $^1/_3$ крестьянъ была на оброкѣ, тогда какъ по даннымъ редакціонной комиссіи въ сѣверныхъ нечерноземныхъ губерніяхъ число оброчныхъ крестьянъ доходило въ это время почти до 90% и даже въ нѣкоторыхъ черноземныхъ, какъ, напримѣръ, Воронежская, оно равнялось почти половинѣ всѣхъ крѣпостныхъ крестьянъ (и составляло около 59% въ имѣніяхъ болѣе 100 душъ) [1]. Затѣмъ, оперируя съ цифрами, заимствованными у Журавскаго и Соловьева, и дѣлая постоянно для видимости quasi уступки и натяжки въ пользу помѣщичьихъ интересовъ, онъ вычисляетъ въ концѣ-концовъ стоимость полнаго и даже нѣсколько увеличеннаго крестьянскаго надѣла въ черноземныхъ хлѣбородныхъ губерніяхъ (какъ Кіевская) въ 49 рублей, а въ нечерноземныхъ (какъ Смоленская)—въ 29 рублей. На основаніи этихъ расчетовъ онъ указываетъ нѣсколько удобныхъ и легко осуществимыхъ способовъ выкупной операціи, какъ при помощи всего населенія государства, такъ даже и средствами однихъ освобождаемыхъ крестьянъ. Но затѣмъ, не переставая утверждать и доказывать, что его расчетъ допускаетъ массу уступокъ и льготъ въ пользу помѣщиковъ, онъ вдругъ, къ немалому, я думаю, изумленію слѣдившаго за его расчетами читателя, заявляетъ, обращаясь къ помѣщикамъ, что готовъ отказаться даже и отъ этой цифры, если это можетъ по-

[1]) Ср. *И. И. Игнатовичъ*: „Помѣщичьи крестьяне наканунѣ освобожденія", стр. 39.

двинуть дѣло миролюбиваго соглашенія, и принимаетъ цифру выкупа въ $1^1/_2$ раза большую. „Прочь—пишетъ онъ,—всѣ вычеты и учеты. Прочь всѣ ариѳметическія тонкости. Поставимъ дѣло прямо на судъ здраваго смысла помѣщиковъ и попробуемъ, нельзя ли рѣшить его въ двухъ словахъ“. Затѣмъ онъ предлагаетъ такой упрощенный расчетъ: средній доходъ съ крѣпостной души по общеизвѣстнымъ даннымъ 12 руб. Капитализируемъ его изъ $7^1/_2\%$, это составитъ общую цѣнность имѣнія въ 150 руб. на душу. Лучшая половина имѣнія остается у помѣщика, но Чернышевскій согласенъ оцѣнить отходящую крестьянамъ часть въ 75 р. на душу. Исходя изъ этой цифры, онъ выводитъ общую сумму выкупа для всей Россіи въ 812.500,000 рублей и затѣмъ указываетъ цѣлыхъ 8 способовъ выкупной операціи, разсчитанной на 27-лѣтній срокъ, при чемъ способы, указанные Чернышевскимъ, разнятся между собою степенью участія въ погашеніи выкупной суммы государственныхъ средствъ. Средства эти ему представляются въ гораздо лучшемъ видѣ, нежели они были на дѣлѣ, и онъ даже допускаетъ возможность выпуска значительнаго количества новыхъ ассигнацій, доказывая, что новыя ассигнаціи, выпущенныя на выполненіе продуктивной задачи, не могутъ вредить курсу. Оптимистическій взглядъ Чернышевскаго на состояніе русскихъ финансовъ объясняется тѣмъ, что дѣйствительное ихъ положеніе въ то время никому не было въ точности извѣстно. Съ другой стороны, Чернышевскому такъ страстно хотѣлось доказать, что немедленный выкупъ возможенъ, и притомъ устроить его на возможно болѣе выгодныхъ для крестьянъ условіяхъ, что онъ готовъ былъ итти и на рискованныя сами по себѣ финансовыя предположенія.

Но чѣмъ же объясняется его внезапная уступчивость по отношенію къ помѣщикамъ? Конечно, прежде всего тѣмъ, что она была въ сущности фиктивная. Хотя Чернышевскій и ловилъ помѣщиковъ и правительство на словѣ и принималъ, что личное освобожденіе совершается безвозмездно, онъ понималъ, разумѣется, что послѣдовательное проведеніе этого принципа въ сѣверныхъ нечерноземныхъ губерніяхъ было неосуществимо. Поэтому наиболѣе добросовѣстные изъ помѣщиковъ, какъ Унковскій или Кавелинъ, прямо и говорили, что въ этихъ губерніяхъ, гдѣ личное крѣпостное право составляло почти весь доходъ помѣщичьихъ имѣній, его невозможно отмѣнить безвозмездно, если не становиться на точку зрѣнія допустимости конфискаціи по отношенію къ лицамъ, покупавшимъ въ этихъ губерніяхъ имѣнія. Только дочитавъ статью „Труденъ ли выкупъ земли?“ до конца и понявъ ту аргументацію, которую пустилъ въ ходъ въ этомъ случаѣ Чернышевскій, можно понять, почему эпиграфомъ къ этой статьѣ онъ взялъ слова ненавистнаго для него Мальтуса: „когда палка искривлена въ одну сторону, чтобы исправить ее, надобно перегнуть на другую сторону“. Очевидно, онъ и самъ считалъ, что вся первая часть статьи и есть такой перегибъ въ другую сторону преувеличенныхъ оцѣнокъ крестьянскихъ надѣловъ, предположенныхъ въ губернскихъ комитетахъ и очень недостаточно исправленныхъ въ редакціонной комиссіи. Къ сожалѣнію, и эти недостаточныя исправленія съ трудомъ и не безъ нѣкоторыхъ контръ-поправокъ прошли въ главномъ комитетѣ и въ государственномъ совѣтѣ.

Надо сказать, что статьи Чернышевскаго по крестьянскому дѣлу могли очень мало имѣть непосредственнаго вліянія на ходъ дѣла въ губернскихъ комитетахъ и редакціонныхъ комиссіяхъ. Не говоря о радикальности и непримиримости той точки зрѣнія, на которой онъ стоялъ въ 1895 году и которая могла вызывать въ дворянскихъ кругахъ, даже прогрессивныхъ, въ большинствѣ случаевъ лишь раздраженіе, уже самая отвлеченность его выкладокъ и расчетовъ не могла казаться убѣдительной людямъ, располагавшимъ недоступными ему матеріалами и свѣдѣніями и притомъ хорошо знавшими на дѣлѣ реальныя условія тогдашняго сельскаго хозяйства въ своихъ губерніяхъ. Чернышевскій писалъ не для нихъ, хотя часто въ своихъстатьяхъ къ нимъ обращался, а главнымъ образомъ для болѣе широкихъ круговъ столичныхъ и провинціальныхъ читателей, которые и составляютъ такъ называемое общественное мнѣніе и общественное настроеніе въ странѣ. На формированіе этого общественнаго мнѣнія Чернышевскій и дѣйствовалъ, пріучая его къ критическому отношенію къ фактамъ и воспитывая въ своихъ читателяхъ тотъ оппозиціонный духъ, который въ это время все увеличивался.

Когда положеніе 19 февраля 1861 года было, наконецъ, опубликовано, то печати было запрещено его разбирать и критиковать. Поэтому „Современникъ“ встрѣтилъ этотъ важнѣйшій актъ государственной жизни эпохи великихъ реформъ полнымъ молчаніемъ. Лишь вынужденное удаленіе министра внутреннихъ дѣлъ Ланского, въ значительной мѣрѣ вынесшаго на своихъ плечахъ крестьянскую реформу, вызвало въ іюньской книжкѣ за 1861 г. нѣсколько теплыхъ словъ по адресу этого сановника, отставленнаго въ угоду реакціонному настроенію придворныхъ сферъ, давленію которыхъ Александръ уступилъ въ это время.

Критика положенія 19 февраля въ духѣ тогдашняго настроенія „Современника“ и самого Чернышевскаго была сдѣлана въ вышедшей за границей брошюрѣ за полной подписью Н. А. Серно-Соловьевича, одного изъ ближайшихъ друзей Чернышевскаго, подъ заглавіемъ „Окончательное рѣшеніе крестьянскаго вопроса“. Быстрый ходъ развивавшагося общественнаго движенія увлекъ въ это время Чернышевскаго въ другую сторону. Лишь въ началѣ 1862 г. онъ снова возвращается къ крестьянскому вопросу, какъ къ основному вопросу общей государственной проблемы, стоявшей тогда передъ Россіей, въ интересной статьѣ, подъ заглавіемъ „Письма безъ адреса“. Но статья эта, какъ извѣстно, не увидѣла тогда свѣта, а появилась лишь въ 1874 году за границей въ журналѣ „Впередъ“, издававшемся въ это время Лавровымъ.

Въ „Письмахъ безъ адреса“ Чернышевскій не даетъ разбора положенія 19 февраля по существу. Онъ признаетъ въ этотъ моментъ неудачу разрѣшенія крестьянскаго вопроса неоспаримымъ фактомъ и старается лишь разъяснить причины неудачи. Въ анализѣ этихъ причинъ онъ совершенно сходится съ извѣстнымъ постановленіемъ тверского дворянскаго собранія 1861 года, которое состоялось за нѣсколько недѣль передъ написаніемъ „Писемъ безъ адреса“. Положеніе, создавшееся вслѣдствіе неудачнаго рѣшенія крестьянскаго вопроса — въ чемъ Чернышевскій не сомнѣвался—онъ формулируетъ воображаемому

адресату своихъ писемъ (который былъ не кто иной, какъ самъ Александръ II) въ слѣдующихъ словахъ: „Бывшіе помѣщичьи крестьяне, называемые нынѣ срочно-обязанными, не принимаютъ уставныхъ грамотъ; предписанное продолженіе обязательнаго труда оказалось невозможнымъ; предписанныя добровольныя соглашенія между землевладѣльцами и живущими на ихъ земляхъ срочно-обязанными крестьянами оказались невозможными; будучи поставлены въ безвыходное положеніе этою неисполнимостью предположеннаго рѣшенія, помѣщики ропщутъ и предъявляютъ требованія, о которыхъ не отваживались говорить не больше какъ годъ тому назадъ; въ государствѣ появилось и усиливается общее безденежье; курсъ падаетъ, что равнозначительно возвышенію цѣнности звонкой монеты сравнительно съ бумажными деньгами или, что то же, паденію цѣнности бумажнаго рубля“... Мы видимъ, что Чернышевскому казались тогдашнія затрудненія правительства болѣе безвыходными, нежели они были на дѣлѣ, но это мнѣніе тогда раздѣлялось многими. Причину неудачи Чернышевскій усматриваетъ въ неправильномъ планѣ предпринятыхъ преобразованій и прежде всего въ томъ, что важнѣйшее изъ этихъ преобразованій—ликвидація крѣпостного права—было произведено безъ участія самого народа, бюрократическимъ, келейнымъ путемъ. Далѣе Чернышевскій указываетъ, что неумѣлая и привыкшая дѣйствовать формалистически бюрократія не сумѣла сдѣлать даже того, что хотѣла, т. е. обезпечить при ликвидаціи крѣпостныхъ отношеній истинные интересы помѣщиковъ, чѣмъ, по его мнѣнію, и объясняется то недовольство существующимъ строемъ, которое охватило дворянство наравнѣ со всѣми прочими сословіями и заставило его, разочаровавшись въ прежней своей опорѣ, т.-е. въ верховной власти, искать новой опоры въ народѣ. Онъ предостерегаетъ однако же своего воображаемаго корреспондента, чтобы онъ не приписалъ „какимъ-либо частнымъ и сословнымъ побужденіямъ дворянства тѣхъ желаній общей реформы, представителемъ которыхъ оно теперь выступаетъ. Это желаніе не имѣетъ ничего общаго съ раздраженіемъ нѣкоторой части дворянства на власть за уничтоженіе крѣпостного права“... „Въ мысляхъ о реформѣ общаго законодательства, объ основаніи администраціи и суда на новыхъ началахъ, о свободѣ слова—дворянство только является представителемъ всѣхъ другихъ сословій и представителемъ ихъ выступило оно даже не потому, чтобы въ немъ сильнѣе были эти желанія, чѣмъ въ другихъ сословіяхъ, а единственно потому, что оно имѣетъ при нынѣшнемъ порядкѣ организацію, дающую возможность выражать желанія“... Въ послѣднемъ письмѣ Чернышевскій принимается за критику хода работъ въ редакціонныхъ комиссіяхъ, которыя ему представляются образцомъ бюрократическаго учрежденія и бюрократическаго вершенія дѣлъ и членовъ которыхъ онъ обвиняетъ (довольно, впрочемъ, несправедливо) въ чиновничьей угодливости, стараясь доказать, что они въ важнѣйшихъ вопросахъ жертвовали, не задумываясь, интересами дѣла и своими убѣжденіями велѣніямъ или даже какимъ-то предполагаемымъ хотѣніямъ какихъ-то особъ въ высшихъ сферахъ. Эта критика едва ли справедлива, и не въ ней главное значеніе „Писемъ безъ адреса“. Статья эта важна, по моему мнѣнію, какъ памятникъ того настроенія, къ которому Чернышевскій пришелъ въ 1862 г. и которое въ сущ-

ности совпадало съ тѣмъ настроеніемъ тверскихъ дворянъ, желавшихъ опереться на народъ, которыхъ и имѣетъ въ виду Чернышевскій.

Преувеличенное представленіе о затруднительности положенія бюрократическаго правительства въ 1862 г. и о готовности народныхъ массъ къ активному выступленію погубило въ томъ же 1862 г. и самого Чернышевскаго и развивавшееся въ то время русское общественное движеніе.

Такова была роль Чернышевскаго въ рѣшеніи крестьянскаго вопроса въ шестидесятыхъ годахъ, какъ она представляется мнѣ на основаніи его статей того времени, сопоставленныхъ съ ходомъ крестьянской реформы. Я не пользовался при этомъ однимъ лишь источникомъ, которому многіе авторы, писавшіе о Чернышевскомъ, придаютъ большое автобіографическое значеніе: извѣстнымъ его романомъ „Прологъ пролога“. Я не пользовался имъ именно потому, что это романъ, а не воспоминанія; и я совершенно не знаю, что въ немъ самъ авторъ признавалъ за Wahrheit и что за Dichtung. Во всякомъ случаѣ романъ этотъ, по моему мнѣнію, не даетъ вѣрнаго представленія о дѣйствительномъ положеніи вещей и о ходѣ крестьянской реформы въ 60-хъ годахъ.

А. А. Корниловъ.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Отъ Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества.

Вслѣдствіе постановленія Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества, состоявшагося 10 мая 1879 года, объявляется конкурсъ для представленія сочиненій на темы, касающіяся освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости въ Россіи.

Сочиненія могутъ быть представляемы на общую тему и частныя.

За признанное достойнымъ преміи сочиненіе на общую тему учреждается премія въ 5.000 рублей.

За признанныя достойными премій сочиненія на частныя темы учреждаются преміи: одна въ 2.000 руб., одна въ 1.500 руб., одна въ 1.000 руб. и двѣ по 500 руб.

Общая тема опредѣлена слѣдующимъ образомъ: „Освобожденіе крестьянъ въ Россіи, его исторія, причины и послѣдствія".

Выборомъ частныхъ темъ изслѣдователи не стѣснены въ предѣлахъ названной общей темы. Въ качествѣ же примѣрныхъ частныхъ темъ приводятся нижеслѣдующія:

1) „Понятіе о крѣпостномъ правѣ и вопросъ объ уничтоженіи его со времени Императрицы Екатерины II до восшествія на престолъ Императора Александра II; причины паденія крѣпостного права (положеніе крѣпостныхъ крестьянъ; роль законодательства, общества, печати, самихъ крестьянъ и пр.)".

2) „Крестьянская реформа при Императорѣ Александрѣ II до изданія Положенія 19 февраля 1861 года; роль правительства и общественныхъ силъ въ подготовкѣ реформы при Императорѣ Александрѣ II".

3) „Проведеніе въ жизнь положеній 19 февраля".

4) „Преобразованіе быта крестьянъ некрѣпостныхъ (удѣльныхъ, государевыхъ, посессіонныхъ, казенныхъ и другихъ) въ царствованіе Императора Александра II въ связи съ ихъ положеніемъ до крестьянской реформы 1861 года и съ паденіемъ крѣпостного права".

5) „Вліяніе паденія крѣпостного права на развитіе крестьянскаго хозяйства и на экономическій бытъ крестьянъ".

6) „Вліяніе отмѣны крѣпостного права на дворянское землевладѣніе и хозяйство въ связи съ измѣненіями въ крестьянскомъ хозяйствѣ".

Условія конкурса нижеслѣдующія:

I. Сочиненія на премію должны быть представлены въ Императорское Вольное Экономическое Общество (С.-Петербургъ, Забалканскій пр., д. 33) къ 1-му октября 1910 года; послѣ чего конкурсъ закрывается.

II. Къ конкурсу допускаются сочиненія на русскомъ языкѣ. Они доставляются самимъ авторомъ или его законными наслѣдниками въ печатномъ или рукописномъ видѣ или же предлагаются однимъ изъ членовъ Коммиссіи по присужденію премій.

III. Въ случаѣ присужденія преміи за рукописное сочиненіе премія выдается лишь по напечатаніи сочиненія.

IV. Сочиненіе, уже удостоенное какой либо денежной преміи, можетъ быть премировано лишь въ томъ случаѣ, если оно заново переработано.

V. Къ конкурсу допускаются лишь тѣ печатныя сочиненія, которыя вышли не далѣе, какъ за три года до срока присужденія премій.

VI. Не допускаются къ конкурсу сборники сырыхъ матеріаловъ, а также книги, изданныя по распоряженію правительства.

VII. Сочиненія членовъ Коммиссіи, присуждающей преміи, къ конкурсу не допускаются.

VIII. Коммиссія, присуждающая преміи, избирается въ количествѣ 9-ти лицъ и 3 кандидатовъ къ нимъ, въ соединенномъ засѣданіи Совѣта Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества, представителей Императорской Академіи Наукъ, Императорскаго С.-Петербургскаго Университета, С.-Петербургскаго Политехническаго Института, а также приглашенныхъ Совѣтомъ Вольнаго Экономическаго Общества лицъ, спеціально работавшихъ по вопросамъ, связаннымъ съ освобожденіемъ крестьянъ.

IX. Коммиссія можетъ поручать составленіе рецензій и не членамъ ея.

X. Для назначенія полной преміи нужно большинство $^2/_3$ голосовъ членовъ Коммиссіи, для присужденія же остальныхъ премій достаточно абсолютнаго большинства голосовъ.

XI. Коммиссія постановляетъ рѣшенія именемъ Вольнаго Экономическаго Общества и рѣшенія ея объявляются на Общемъ Собраніи членовъ Общества, пріуроченномъ къ празднованію 50-ти лѣтія со дня освобожденія крестьянъ.

XII. Рецензіи на одобренныя сочиненія печатаются въ „Трудахъ Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества".

XIII. Преміи получаются самимъ авторомъ или же его наслѣдниками, но никакъ не издателемъ.

XIV. По присужденіи премій, въ случаѣ если не всѣ онѣ будутъ присуждены, немедленно публикуются условія новаго конкурса и срокъ слѣдующаго присужденія премій На новый конкурсъ допускаются кромѣ сочиненій, вновь представленныхъ, также тѣ сочиненія, которыя были отложены Коммиссіей по присужденію премій до слѣдующаго присужденія.

Примѣчаніе. Желающіе могутъ получить въ канцеляріи В. Э. Общества (Спб., Забалканскій, 33) брошюру, въ которой напечатаны журналы особой коммиссіи, вырабатывавшей темы конкурсныхъ сочиненій и условія конкурса, и извлеченія изъ журнала Общаго Собранія В. Э. Общества съ преніями по тому же вопросу.

Печатанопо распоряженію Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества.

Спб. Типо-литографія М. П. Фроловой. Галерная, 6.